

18+

Юрий Гаериллов

Записки комбата

Роман-трилогия

Юрий Николаевич Гаврилов

Записки комбата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689918

ISBN 9785449843319

Аннотация

В романе охвачена эпоха развала второй супердержавы мира – Советского Союза, от «застольных» семидесятых, через бандитские девяностые до сегодняшних дней, времени «собирания камней». Герой романа, офицер Сергей Сибирцев, достойно проходит через все испытания и остается верным присяге, данной на верность Родине. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЮРИЙ ГАВРИЛОВ	5
ЗАПИСКИ	6
Кривой Рог 2020 год	7
К читателю	8
СТАНОВЛЕНИЕ	10
ГЛАВА 1	11
ДЕТСТВО	11
ГЛАВА 2	63
СТАНОВЛЕНИЕ	63
Книга вторая	140
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В САПОГАХ	141
ГЛАВА 3	142
ДАУРСКИЙ СИНДРОМ	142
1	143
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Записки комбата

Юрий Николаевич Гаврилов

© Юрий Николаевич Гаврилов, 2020

ISBN 978-5-4498-4331-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Гаврилов родился в г. Вытегра Вологодской обл. Окончил Горьковское (Ленинградское) высшее военное командное училище связи.

Службу проходил в отдаленных районах Сибири и Забайкалья. Был в горячих точках.

Живет и работает на Украине. Автор пяти книг.

ЮРИЙ ГАВРИЛОВ

**ЗАПИСКИ
КОМБАТА
Роман-трилогия**

Кривой Рог 2020 год

Все совпадения имен, фактов и событий в книге непреднамеренны и случайны.

Гаврилов Ю. Н.

Записки комбата: Роман/Ю. Н. Гаврилов – 478с.

В романе охвачена эпоха развала второй супердержавы мира – Советского Союза, от «застольных» семидесятых, через бандитские девяностые до сегодняшних дней, времени «сбирания камней». Герой романа, офицер Сергей Сибирцев, достойно проходит через все испытания и остается верным присяге данной на верность Родине.

© Гаврилов Ю., 2017

К читателю

Прошло десять лет после выхода в свет первых книг романа «Записки комбата» – «Исповедь русского офицера» и «Судьба офицера».

Дорогие мои друзья, земляки, одноклассники, однокурсники, сослуживцы, коллеги!

Дорогие читатели!

С огромной благодарностью и теплом отношусь к вашим откликам и рецензиям на мое скромное бумагомарание.

За последние годы, с появлением Интернета, быстрым развитием средств связи и коммуникаций, нашлись многие действующие лица романа, их прототипы, что подвигло меня на продолжение повествования.

В новых книгах: «Становление», «Двадцать лет в сапогах», «Отставник» я учел все ваши пожелания и уточнения, новые подробности в судьбах героев, изменения в жизни стран.

Большое спасибо моим друзьям Александру Гринягину, Аюну Хкфаглагэрэл, Ли Зену, Чен Юи, Федору Шевченко, Игорю Трубаеву, Владимиру Цепкову, Александру Мишанину, Виктору Чемоданову, Владимиру Бархатову, Сергею Вертикову, Сергею Суслову, Ольге Веселовской, Андрею Конакову, Николаю Чаплыгину, Владимиру Микрюкову, Виктору Любченко, Василию Парфенюку, Виктору Гуцалюку, Алек-

сею Ходусу, чьи воспоминания вошли в роман.

В этом же году вышли в свет в новом издании мои книги: «Агония», «Повести и рассказы», «Рассказы о рыбалке».

Готовясь к новому, третьему изданию романа, и размышляя над вашими письмами, замечаниями и предложениями, я объединил все пять книг в одну. Убрал излишнее «мыло». По-возможности, избавился от политики и уделил большее внимание реальным событиям и фактам. По желанию героев, вывел их под своими именами.

Предложения некоторых издательств и физических лиц: приукрасить повествование, изменить стиль написания, редактировать и убрать целые главы, сделать заказные вставки, – оставляю без внимания.

Скромный тираж является следствием «несговорчивости» автора и недофинансирования проекта.

Авторские права оставляю за собой.

Переработанный роман выношу на ваш суд...

С любовью

Юрий Гаврилов.

Январь 2020

Книга первая

СТАНОВЛЕНИЕ

Моим друзьям детства и юности посвящается...

*«Если юноша не стремится ни к наукам,
Ни к битвам, ни к женицам —
Он зря родился на свет,
Похитив юность своей матери».*

Люк Вовенарг

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО

1

Июль 1971 года выдался сухим и жарким. Серега Сибирцев загорал на крыше сарая с экзаменационными билетами и конспектами по математике в руках.

Эх, если бы не выпускные экзамены, то лежал бы на берегу речки, или бы еще лучше, махнул на Онежское озеро. Там отдых – лучше не придумаешь. Природа – сосны корабельные, белый мох, песочек мелкий и чистый (куда там до него Крымскому), а вокруг десятки озер: Великое, Котечное, Щучье, Окунево, Тудозеро, Палозеро... и все битком рыбой забиты: сиг, щука, налим, язь, карась, лещ, окунь, корюшка, ряпушка. Идешь на лодке по копаням из озера в озеро, вокруг лилии цветут, птицы поют, рыба плещется, бобры-трудьяги «плотины» строят – красота, аж сердце замирает от счастья...

– Кончай ночевать, счастье свое проспичь, – раздался звонкий девичий голосок.

Это на крышу залезла Любаша. Она, как и Сергей, готовилась к выпускным экзаменам.

– Привет, Люб, давай помогу, – Серега протянул Любаше руку и помог забраться на сарай.

– Ну, че, много билетов выучил?

– Да уже вторую половину повторяю.

– Молодец, у тебя еще два дня впереди, а у нас послезавтра экзамен, а я еще на один раз их не прошла. Как сдавать буду? Не знаю.

– Кто бы говорил. Уже три экзамена на «отлично» сдала, сдашь и последний.

Любаша сняла легкое платье, разложила покрывало и легла загорать.

– Ну, что стоишь, как истукан, ложись, загорай или читай вслух билеты.

Серега действительно был смущен и взволнован красотой и чистотой девичьего тела.

– Ну, что ты топчешься? Все солнце мне загородил. Ложись рядом.

Сергей упал на покрывало и стал читать вслух ответы на вопросы билетов. Краем глаза он наблюдал за Любашей. Какая же она красивая, – думал он. Огромные карие глаза, смотрящие всегда с насмешкой, черные брови, как два крыла, взметнулись над ними. Длинные, мохнатые, чуть выгоревшие на солнце ресницы были прикрыты. Из приоткрытых алых губ виднелись ровные белые зубы. Улыбка ее сводила с ума всех дворовых парней. Белесые длинные локоны волос ложились волнами на спину. На талию и ноги Серега да-

же посмотреть не мог, это было что-то умопомрачительное, недоступное и греховное, казалось ему.

В общем, Серега был по уши влюблен в Любашу. Это длилось уже два года, с момента первой встречи, когда семья Кузнецовых поселилась над ними, на втором этаже их двухэтажного дома. Они учились в разных школах, поэтому виделись только дома. Дом был старый, не благоустроенный, полы скрипучие. Его мама подшучивала, что утром Серегу в школу пушкой не разбудишь, но стоит Любе пройти вверх, как он подскакивал словно ужаленный.

После школы, пока родители на работе, надо наносить дров к печкам и воды. Серега стоял возле окна и ждал, когда Люба выйдет по хозяйству. Тогда он хватал ведра и бежал на колонку, вслед за ней. Возвращались они уже вместе, делаясь последними школьными новостями.

Бывало, что Любаша долго не шла по воду, и тогда Серега бежал один. Когда возвращался, невольно смотрел вверх на окна Любы. В это время она, как специально, становилась на подоконник в очень коротком халатике или выходила на балкон. У Сереги от вида снизу подкашивались ноги, вода из ведер расплескивалась, а проказница Любаша, только весело хохотала...

– Эй, пифагоровы штаны, ты что, опять уснул?

Любаша трясла Сернея за руку. Нет, так дело не пойдет, да и уже жарко стало, пойдем по домам.

– А ты вечером в город выйдешь?

– Не знаю, наверно.

– Ну, давай, счастливо, увидимся.

До выпускного вечера оставалось пять дней и один экзамен – математика. О том, что сдаст его хорошо, Серега был уверен на все сто. Математику он любил. Она ему легко давалась, особенно последний год, когда по совету своей классной руководительницы он поступил заочно на подготовительные курсы в МФТИ. Справедливости ради, надо сказать, что Валентина Егоровна помогала ему в решении контрольных работ присылаемых из Москвы.

В общем, с учебой все было нормально. Средний балл за аттестат 4,8, а вот, что делать дальше, тут большой вопрос, так как город Вытегра, родина Сергея, находился вдали от цивилизации. До ближайшей железной дороги 250 километров. Среди глухих лесов, непролазных болот, многочисленных рек и озер, на стыке Ленинградской, Вологодской областей и Карелии. Молодежь здесь связывала свою судьбу с работой в лесу или на реке. Сначала старались уехать подальше – в Москву или Ленинград, счастливчики оставались там учиться и работать, большинство же возвращались домой.

Серега стоял на перепутье. Можно было ехать учиться в Москву, в МФТИ (после подготовительных курсов брали без экзаменов), друзья звали в ЛИВТ, что больше всего ему было по душе. Видел себя в будущем капитаном теплохода

или большого сухогруза река-море. Тетка звала в Петрозаводск, поступать в университет на медицинский факультет, она была большим начальником в министерстве здравоохранения, обещала помочь. Была возможность продолжить музыкальное образование по классам баяна и духовых инструментов в музыкальном училище. В военкомате приглашали в военные училища. Одно было непрекословно – высшее образование. Родители в его выбор не вмешивались.

Вечером, того же дня, раздался свист под окном.

– Это тебя ребята на улицу вызывают, – сказала мама.

Сергея выскочил из дома, там его ожидали двое из троицы закадычных друзей.

– Ну, что, по «гранчаку» и на танцы? – предложил Валерка.

Ребята знали, что родители у Валерки часто ставили брагу, а он ее подворовывал. В городе почему-то самогона не гнали. То ли статьи за аппарат боялись, может, терпения, пока выбродит, не было. Все употреблялось на стадии браги. В этом деле тоже были свои специалисты. Брага браге рознь. У Валерки отец делал отменный напиток. Да и сами пацаны, порою, на большие праздники, ставили дома втихаря по бутылку, под видом опытов по химии. Матери обычно верили, а отцы молчали, так как накануне праздников сами же и половинили их.

Пацаны зашли в сарай, где Валерка достал, спрятанную

под курятник, литровую банку белой браги и пустили стакан по кругу. Брага была сладковата, отдавала дрожжами, но крепость чувствовалась и пилась легко. Закурили. Вообще-то по настоящему еще никто не курил, но после стакана – святое дело.

– Ну, все, уходим, – сказал Валерка, – мало ли мать по хозяйству в сарай зайвится. И, пацаны, не спеша, потянулись в сторону клуба Речников на танцы, по пути обсуждая девчат, и кто с кем хотел бы подружиться, а также возможные конфликты и драки с пацанами из других дворов и районов города.

Возле кассы была давка за билетами. Лезть через толпу и нарываться на скандал не хотелось.

– Давайте к Юрке Самутичеву зайдём, – сказал Андрюха, – может он чего-нибудь придумает. Андрюшка Шевчук последние два года учился в Ленинградском суворовском училище и домой приехал на каникулы в форме, на зависть ребятам и девчатам.

Юрка, веселый разбитной парень, с трудом закончивший восемь классов, работал киномехаником при клубе. Встретил ребят он радостно и сразу же послал их в магазин за «Агдамом». Юрка из всех был самым самостоятельным. Отец его, капитан самоходки, погиб в плавании несколько лет назад. Мать, после этого начала часто прикладываться к рюмке и Юрка жил сам по себе. Зато, у него была настоящая зарплата, аж 76 рублей. Он и смотрелся взрослее всех: волосы

темные, длинные, под Битлов, брюки клеш 36 см., ботинки разноцветные на платформе, рубаха вся в петухах и с длинными отворотами. Сам правда худой, как спица, но как выпьет, обязательно попадет в какую-нибудь историю. Любит нарываться.

Взяв две бутылки вина, ребята вернулись в кинобудку. Закуски, как всегда, не было. Занюхали рукавом и закурили.

– Как на танцы прорываться будем? – спросил Андрюха.

– Нет проблем, – ответил Юрка. – Все за мной.

Сергей решил задержаться на входе в клуб. Его впускали без билета, так как он играл в клубном духовом оркестре.

Возле входа кучковались пацаны. Девчата проходили сразу, а ребята расходились по группам. Отдельно стояли: центр города, заречье, кирпичный завод и несколько компаний поменьше. Громко разговаривая, поддевая проходящих девчат, куражась и хохоча, они как петухи перед боем, показывали свою удаль. Почти каждые танцы не обходились без драки. Дрались из-за девчат, из-за прошлых обид, а то и просто так, по-пьяни, чтобы энергию лишнюю куда деть. Но дрались незлобиво, до первой крови, лежачего не били, и в основном все это обходилось фингалами под глазами, да разбитыми носами.

– Привет, чего не заходишь в клуб?

Сергея оглянулся на знакомый голос.

Мимо прошла Любаша с подружкой Таней.

В клубе уже танцы были в разгаре, играл вокально-ин-

струментальный ансамбль. Танцевали «Шизгарен». Сергей пошел в круг одноклассников, к нему подлетела Галя Фокина:

– Ну что, комсорг, не откажешь?

– Пошли, конечно.

Галине давно нравился Сергей, вот только взаимности не наблюдалось. Высокая, стройная, красивая брюнетка, она пользовалась популярностью среди одноклассников, но вот с Сергеем у нее никак не получалось.

Галя, что-то шептала на ухо, прижималась к Сергею, обняла за шею, а он ничего не слышал, не чувствовал, а только крутил головой и искал Любу. Она в это время танцевала со Славкой Антоновым. Сергей точно знал, что Слава бежит за Светой Осюковской, его одноклассницей, а та с ним дружить не хочет. Что же делать? Может выйти поговорить со Славкой? А как это сделать? Ведь он ни разу еще из-за девчонки не дрался. Да и Славик, крут на кулаки. Танец заканчивался. Надо пригласить ее на следующий танец, решил Сергей и, извинившись перед Галей, начал протискиваться ближе к Любе. Заиграли медленный танец. Вот она, Люба. Протянул к ней руку и... Андрей увел ее буквально из-под носа. Эх, Андрюха! Друг называется! Но лицо терять нельзя, пригласил Татьяну. Андрей, о чем-то мило щебетал с Любой, а у Сереги от ревности сердце заходило.

– Что ты крутишься по сторонам? Пригласил девушку, так танцуй, – сделала замечание Татьяна.

– Извини Танюшка, что-то мне жарко, я выйду.

В фойе стояли знакомые ребята. Разговорились. В это время к раздевалке прошли Люба с Татьяной, Сергей направился за ними.

– Решили прогуляться, душно что-то здесь, да и поздно уже. Ты идешь? – спросила у Сергея Люба.

– Конечно, иду.

– Ну, тогда жди на улице, мы сейчас.

На улице народ так же кучковался, допивали вино, начинали петь песни под гитару, но пока не задирались, рано еще.

Вышли девчата, а за ними Андрюха, Валерка и Юрка.

– А эти то куда? – удивился Серега.

Юрка сразу же сориентировался: увидев знакомых девчат, сказал, что ему с нами не по пути, обнял их и удалился.

– Везет же ему. Как он так легко с девчатами управляет-ся? У меня, наверное, никогда так не получится, – подумал Сергей.

– Началась традиционная Вытегорская прогулка: баня – почта, почта – баня, по центральной улице города протяженностью метров триста. Девчата шли впереди, а пацаны, как пастухи, метров десять сзади. Говорили ни о чем, смеялись, подкалывали, и каждый в тайне думал: «Почему я не с ней вдвоем?»

Проводили Татьяну и остановились вчетвером возле нашего дома.

– Ну, ладно, пока мальчики, – попрощалась Люба и упорх-

нула домой. А пацаны еще долго стояли, разговаривали, но никто так и не осмелился спросить: «С кем же из них Любаша?»»

2

Выпускной вечер в школе, Сергею запомнился какой-то нервозностью, зажатостью, ограниченностью в рамках дозволенного. Накануне, перед выпускниками с инструктажем выступили директор, завуч, учителя. Можно было только скромно стоять в углу и иногда танцевать вальс, в девять вечера выпускной заканчивался. Как-то получалось так, что сами ребята инициативы не проявили, планов на продолжение вечера не было, предвиделась скучная обязателька.

Сергея долго примерял, неделю назад сшитый на выпускной, новый черный стильный костюм, первый в его жизни. Писком, были брюки «клевш» целых 32 см. внизу и двубортный пиджак с накладными карманами. Наконец-то не надо было постоянно оттягивать руками штанины вниз, чтобы они закрывали носки, так как последнее время он за месяц вырастал из любых брюк. Костюм шили долго в городской швейной мастерской. Каждую неделю Серега ходил на примерки. И материал был не абы какой, а аж по 4 рубля 10 коп. за метр. Чтобы пошить его, мама два месяца брала подработки, и сам он откладывал деньги от своих редких шабашек.

Торжественное собрание открыли в 18 часов в актовом зале школы. Выступили учителя, родители, ученики. Вручили аттестаты. Скомкано прошел небольшой концерт, начались танцы. Все шло как-то слишком официально, по годами заранее отработанному плану. Включили магнитофон. Пацаны стеснялись и толпились в углу, постоянно бегая курнуть на улицу, девочкам приходилось танцевать друг с другом.

К Сереге подошел Вовка Старков, друг и одноклассник:

– Что-то скучно. Может, пойдем в парк, у меня там бутылка вина спрятана?

– А что, дельное предложение.

Ребята вышли из школы, перебежали дорогу и юркнули в кусты парка.

Серега сел на ближайшую скамейку, а следом подбежал Вовка, уже с бутылкой портвейна в руках.

– Что за вино?

– «Лучистое», по рубль двадцать семь.

– О, пойдет!

Вовка нагрел пробку спичкой и сорвал ее зубами.

– Ну, что, по три бульки?

– Ах, вот где вы спрятались, а мы всю школу обыскали.

К ним подошли одноклассники, Вовка Субботин и Серега Федосков. Бутылку пустили по кругу.

– Ну, что? Может быть, сходим на выпускной в первую школу, там ВИА играет? – предложил Серега.

На том и порешили.

Средняя школа №1 была их родной школой, так как проучились в ней до восьмого класса и лишь в девятом, класс в полном составе перевели в школу №2.

Танцы были в полном разгаре, играл ансамбль, молодежь заполнила весь зал.

– А что здесь вторая школа делает? – с улыбкой спросил подошедший директор школы.

– Здравствуйте, а мы на три четверти ваши, здесь роднее, вот и пришли, – ответил за всех Сергей.

В кругу подруг, возле сцены, стояла Любаша.

– Ну какая все же она красивая, – заныло вновь у Серёги в груди. На самом деле, он и пришел то сюда, чтобы увидеть ее.

– Привет, Серёга. Как у вас дела на выпускном? – Возле него стоял Славка Антонов, кумир Любы.

– У вас лучше.

– А Светлана там?

– Да.

– Тогда я к вам.

Серёга понял, что его соперник уходит, и стал действовать решительнее. Объявили медленный танец, Сергей подошел к Любе и она, с удовольствием, отозвалась на его приглашение.

– А ты чего здесь? Ведь у вас тоже выпускной – спросила она.

– Я за тобой пришел, – решительно ответил он, – пойдем

гулять.

– Хорошо, только попозже. Хочется с ребятами побыть, ведь некоторые завтра уже уезжают, когда еще увидимся.

Сергея был на пике счастья. Он продолжал танцевать в кругу друзей, не теряя из вида Любашу.

Из школы вышли, когда уже светало. Впрочем, ночи, как таковой, в это время года, у них на севере, не бывает, так – сумерки.

– Куда пойдём? – спросила Люба.

– Пойдем на речку, к пляжу, – ответил Сергей, так как длиннее дорогу придумать было трудно.

– Как скажешь.

Это необычное смирение, всегда дерзкой Любаши, затронуло Сергея до глубины души.

Шли молча.

– Что-то прохладно, – сказала Люба.

Сергей сбросил пиджак и заботливо накинул ей на плечи, задержав при этом свою руку, как бы обняв ее. Ноги у него предательски задрожали, дыхание остановилось.

– Может, зайдем в Кировский сад, посидим там, – пришла на помощь Любаша.

– Да, конечно, – плохо соображая, хрипло произнес Сергей.

Будь что будет, – решил он. Лег на скамейку, а голову, положил Любаше на колени. Из городского парка доносился голос Ободзинского:

...Только точки, только точки,
После буквы «Л»
И ты поймешь, конечно, все,
Что я сказать хотел.
Сказать хотел, но не сумел!..

Любаша опустила голову, накрыла обоих пиджаком и жадно припала к губам...

...Волна нестерпимого жара поднялась откуда-то снизу, прошла по всему телу и обрушилась на голову, отключая сознание...

... – Серега, очнись, что с тобой!? – услышал он сквозь пелену затуманенного сознания.

Любаша тормозила его за нос. Открыв глаза, он увидел, что лежит на траве, над ним склонилась Люба.

– Ты меня напугал. Первый раз вижу, чтобы от поцелуя сознание теряли!?

А Сереге было так хорошо, как никогда в жизни. Это был первый поцелуй любимой девушки!

3

Родители Сергея не были коренными вытегорцами. Отец любил прихвастнуть, что Нарофоминский уезд Московской губернии, его родовое дворянское гнездо. Были в этом со-

мнения, так как бабушка Сережи не раз приезжала к ним погостить и по правде сказать, столбовой дворянки в ней не просматривалось. Даже письма родственникам в Москву она просила писать под диктовку Сережу, что давало тому возможность усомниться в ее грамотности.

В сорок первом, отец участвовал в обороне Москвы, поймал осколок снаряда в голову и, после госпиталя, был комиссован. В послевоенные годы восстанавливал народное хозяйство, поднимал целину, строил ДнепрогЭС и Волго-Балт. На строительстве последнего и встретил маму. У отца было два брата, которые жили в Москве, но с ними отношения почти не поддерживались.

Мама родом из деревни Кондуши Вытегорского района. В ее семье еще были старшие сестра и четыре брата. В тридцатых годах семья переехала в Петрозаводск, где Полина Васильевна поступила в университет на факультет геологии. В сорок первом, будучи в гостях у брата в Ленинграде, попала в блокаду и находилась в ней до зимы сорок второго, испытав на себе все ужасы голода и холода первой блокадной зимы. В феврале, по льду Ладожского и Онежского озер, их вывезли в Вытегру. Старший брат умер от голода, двое средних пропали без вести на фронте, а, четвертый, дядя Костя, закончив в Ленинграде Военно-медицинскую Академию, воевал на Северном флоте и пал смертью храбрых в августе сорок первого года, о чем есть памятная надпись на академическом монументе.

Родился Сережа первого июня, в первый день лета, в День защиты детей. Он всегда считал день своего рождения удачным. Как правило, в этот день погода была отличной. Грело ласковое, теплое июньское солнышко, деревья и кусты покрылись ярко-сочной зеленью, пели и гнездились прилетевшие с юга птицы. Люди улыбались и были счастливы. Повсюду на летних площадках шли детские утренники.

Первое время их семья жила в съемной комнате на проспекте Ленина в здании райпотребсоюза. Затем были бараки, а когда ему исполнилось два года, маме от пристани выделили двухкомнатную неблагоустроенную квартиру в центре города, в двухэтажном доме по улице Вянгинской, построенном немецкими военнопленными.

Так как папа с мамой работали, а бабушек близко не было, до трех лет его воспитывали няни. Сначала старая и набожная бабка Мотя, уехавшая вскоре к сыну в Белозерск, а затем двадцатилетняя недалекая и причудливая девица Валя, которая затем вышла замуж за хромого сорока летнего билетера городского кинотеатра Володю (кстати, жили они дружно и счастливо), и Сергея отдали в ясли. Началось государственное воспитание.

Раннее детство свое Сергей помнил плохо – лишь несколько эпизодов врезалось в память. Это зимняя дорога в детский сад, когда мама везла его в фанерных санках, похожих на карету, смастеренных умелыми папиными рука-

ми. На улице было темно и холодно, полозья санок скрипели на морозе, а в «карете» было так тепло и уютно, что не хотелось высовывать даже нос на морозный воздух из-под оренбургской пуховой шали.

Да помнилась зеленая лужайка на участке детского сада, посредине которой пробегал небольшой, но довольно глубокий ручей, разделяя участок на старшую и младшую группы. В этом ручье детвора ловила разных жучков-паучков, и Серега, как-то раз поймав огромного черного жука-плавунца, похвастался им всем ребятам и выпустил обратно, долго за ним наблюдая, гордясь, что это его жук.

В детском саду он был под крылом мамы, проработавшей воспитателем сорок лет.

Первый школьный день как-то не запомнился. В памяти остался лишь огромный букет из пурпурных георгинов, подаренный им своей первой учительнице Зюмовой Ленине Андреевне, теплые отношения с которой он пронесет через всю жизнь до сегодняшних дней.

Одноэтажное, деревянное здание начальных классов средней школы номер один, как и шестьдесят лет назад, стоит на улице Дедушки Крылова. Буфета в школе не было, поэтому завтраки носили с собой в черных матерчатых мешочках, привязанных к ранцам. Как правило, это был бутерброд из двух кусков хлеба, промазанных тонким слоем масла и чуть присыпанным сахарным песком. Запивали завтраки

молоком, которое раздавалось в школе бесплатно, в неограниченном количестве, сколько выпьешь.

Навсегда в памяти остался запах новых учебников, первые прописи, чернильница – непроливайка, «промокашка» в каждой тетради.

Один из месяцев школьных летних каникул Сергей обязательно проводил в пионерском лагере. Четыре раза был в «Юном канонерце» во Всеволожске, под Ленинградом. Несколько раз, вынужденно, посещал городской лагерь, а один раз, был даже на Черном море, под Туапсе, в «Орленке».

Больше и красочнее помнится подготовительная приподнятая суэта перед поездкой и дорога в лагерь, нежели само пребывание там, так как первые две недели съедала тоска по родине и родителям. К тому же, местные ребята обычно задирались и иногородние держались обособленно. На расходы Сереге мама давала всего три рубля, а на них месяц не шиканешь. Деньги он берег и брал на них только мороженое, которое сильно любил и, которого, у них в Вытегре не было.

А однажды последний рубль украли из чемодана. Три дня он плакал от безутешного горя. Когда ребята на экскурсиях ели мороженое, Серега только сглатывал слюни и дико им завидовал.

Но шло время, появлялись друзья и только бы надо повеселиться и покуражиться, а уже надо собираться домой. Зато

с самого раннего детства он изъездил весь Ленинград вдоль и поперек, знал все его достопримечательности.

Одной из забав пацанов были сплавы весной по бурным и разлившимся ручьям на корытах. Они с бешеной скоростью неслись вниз по течению ручья Вянгги, отталкиваясь палками от берегов. Особенно страшно, проходить под мостами, когда приходилось виртуозно уворачиваться от бревен и досок, чтобы не набить лишних «шышек» на голову. В конце концов, переворачивались в холодную паводковую воду, бежали мокрыми домой, где их ждали с вицами и ремнями мамы. Попадало, будь здоров, а если и корыто упустишь, то домой лучше не приходи.

Гордостью Сереги были, сделанные папой, финские санки (в виде резного стула из карельской березы на железных полозьях) и самокат с рулем от «Волги» Газ-21. Летом, вечерами, устраивали на самокатах гонки по недавно появившимся асфальтированным улицам. Вместо колес стояли большие подшипники, поэтому визг, лязг и грохот железа от несущейся армады самокатчиков разносился по всему городу. Зимой же, на перегонки, катали с гор девочек на санках.

Основным детским увлечением была, конечно, рыбалка. Разве может быть по-другому в крае тысяч рек и озер? Эта детская забава со временем перешла в основное хобби на всю жизнь. Носились на велосипедах по близлежащим водоемам с удочками и донками, или бродили с бреднем по за-

токама. Рыба на столе была каждый день.

Приловчились и к ловле раков. Рачевню Сергей смастерил сам. Натянул на проволочный круг диаметром в метр кусок старой сетки. Приспособил на двух дугах веревку для спуска, и рачевня готова.

Для приманки, приворачивал у мамы маленькие кусочки мяса. Ловил раков прямо в центре города у старого милицейского моста. Залезал на причаленные к берегу деревянные лодки и с кормы бросал рачевню в воду. Глубина метра полтора. Из расположенного поблизости парка культуры и отдыха доносилась музыка. Играли пластинки. Заброс длился в одну песню, а это четыре-пять минут. В поднятой в лодку рачевне было два-три рака с ладошку. Наловив их полный бидончик, Сергей спешил домой, чтобы сварить их к приходу папы. Николай Иванович очень любил полакомиться раками.

Возле дома располагалась пожарная часть с настоящей каланчой. Серега часто помогал пожарникам мыть машины и разматывать для просушки пожарные рукава, за что был награжден значком ЮДПД (юный друг пожарной дружины), который всегда носил на лацкане школьной гимнастерки рядом с октябрятской звездочкой.

В школу ходили строго в форме: серые брюки, гимнастерка, фуражка, кожаный ремень, черные ботинки. На медной бляхе ремня и кокарде фуражки – школьная эмблема, большая буква «Ш» в обрамлении дубовых ветвей.

В дворовую компанию, кроме пацанов входили и девчата. Людка Бунгова, Люська Лапсакова, Нинка Гулева, Надька Насонкова, Зинка Круглова. С ними обычно ходили в июне по ягоду на болото, в сосняк за кладбищем. Собирали морошку, чернику и бруснику. Норма – трехлитровый бидончик. Комарье и мошка, помнится, заедала в усмерть. Осенью же делали набеги на гороховища.

Летом вечерами, сидя на крыльце, играли с девочками в кольцо. «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори по скорей не задерживай добрых и честных людей...» – Так начиналась игра.

Отгадывали фильмы по одной букве. У девочек этими фильмами были исписаны целые блокноты. Они, естественно, и выигрывали.

Когда наступали сумерки, девочки-проказницы, тащили нас через дорогу на участок городского детского сада №1, где в тени беседок отработывали на нас навыки целования через соломинку.

Встань пораньше, встань пораньше,
Встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот.
Ты услышишь, ты услышишь,
Как веселый барабанщик,
В руки палочки кленовые берет...

По радио детский хор пел «Песню о веселом барабанщике».

Сегодня день принятия в пионеры. Первый красный галстук, не ситцевый, как у многих, а настоящий шелковый, который сумела таки достать мама, торжественно повязали Сереге Сибирцеву на белоснежную рубашку. После школьной линейки весь отряд строем повели на экскурсию в краеведческий музей, размещенный в бывшем здании церкви на Красной горке, пожалуй, самом красивом и высоком месте Вытегры. Музей был гордостью города, сюда обязательно заходили туристы и экскурсии с круизных судов путешествующих по Волго-Балту. Экспозиции размещались в четырех больших залах и рассказывали как о природных богатствах края, так и историю его развития от незапамятных времен до сегодняшних дней.

Первый зал посвящен местным умельцам. В центре располагалась экспозиция художника Твердова. Под известными картинами, написанными маслом, расположился большой деревенский погост с церквями и колокольнями, изготовленный из обыкновенных спичек. Здесь же висели картины маслом Анатолия Круглова, старшего друга Сергея. Толик этим очень гордился, хоть и не показывал вида. И вообще, Анатолий был разносторонне развитым парнем. Под его руководством в Вытегре создали первый ВИА.

Второй зал рассказывал о местной фауне и флоре. В цен-

тре его стоял огромный бурый медведь. Дальше шли исторический зал и небольшая выставка достижений народного хозяйства района.

Когда проходили возле чучела огромного медведя, Вовка Старков засунул руку тому между мохнатых лап.

– Серега, посмотри, что я нашел, – заговорчески прошептал он.

Сергей нащупал там большой сук, очень похожий на испанские гениталии.

– Вот это да! Это что, настоящие!?! – удивились несмышленные пацаны.

Подбежала любопытная Ритка Кулигина, сующая везде свой нос. Проверила, что там нашли ребята и, покрывшись бардовым румянцем, побежала жаловаться Ленине Андреевне. Наша первая учительница сначала тоже растерялась от неожиданной находки и увела ребят в другой зал. Позже этот случай превратился в комический анекдот о том, как Ритка Кулигина щупала медведя.

До седьмого класса он сидел за одной партой с Риткой, самой умной девочкой в классе, круглой отличницей. Кроме того, она была еще и красивая и дружелюбная, совершенно не задавака. Ритка ужасно нравилась ему, он даже был почти влюблен в нее. И кто знает, как сложились бы их отношения в романтическом плане, если бы не та злосчастная контрольная по алгебре.

Одним из заданий контрольной было построить отрезок, равный корню из двух. Неизвестно как, но Сергей мгновенно сообразил, что задачка на самом деле находится на стыке алгебры и геометрии и что заниматься вычислениями в этом случае не нужно. Достаточно просто построить прямоугольный треугольник с катетами, равными одному сантиметру, и длина гипотенузы окажется равной точнехонько корню из двух. Он быстро выполнил требуемое, решил остальные примеры, и огляделся... Ритка сидела с несчастным видом и логарифмической линейкой в руках, видно, пыталась выйти из положения чисто алгебраическим способом. Он толкнул ее в бок и развернул листок с контрольной так, чтобы ей было видно. Ритка – умница, сразу сообразила, в чем тут фокус, и благодарно улыбнулась в ответ.

Через три дня учительница по математике, Чащина Алла Дмитриевна, раздала им проверочные контрольные. Ритка, естественно, получила свою пятерку, никаких других оценок у нее отродясь не было. На листочке Сибирцева же красными чернилами красовалось: «2. Списано у Кулигиной». Разумеется, учительнице и в голову не пришло, что отличница Кулигина может не справиться с заданием, поэтому полагала, что «хорошист» Сибирцев наверняка списал у нее. Как же могло быть иначе? Ведь, как выяснилось, из всего класса эту хитрую задачку про корень из двух решили только они двое. Ну, Кулигина – это святое, она, конечно же, сама додумалась, на то она и самая умная в классе. А Сибирцев –

не самый умный, он такой же, как все остальные, поэтому раз все остальные не решили, то, как же он мог? Не мог. Стало быть – списал.

Сергей постарался не потерять лица, все-таки девочка ему нравилась, и, с трудом борясь со жгучими слезами обиды от такой несправедливости, криво усмехаясь, показал свою контрольную Ритке. Не известно, чего он ждал от нее тогда: сочувствия, удивления, возмущения, готовности честно объясниться с учительницей и рассказать ей, как было дело. Но чего-то ждал. Чего угодно, только не холодного молчания. Ритка Кулигина, красавица и умница, ничего не сказала, даже не посмотрела на него. Просто отодвинула листок на его половину парты и отвернулась.

На следующем уроке она сидела за другой партой, пересела к Свете Осюковской, поменявшись местами с ее соседом. С Сергеем Ритка была с того дня холодно-сдержанна. Иными словами, она стала избегать его.

Сказать, что Сергей страдал, – это ничего не сказать. При чем страдал-то он не по Ритке, все равно они учились в одном классе и все равно вне школы не встречались. А страдал от несправедливости и от ощущения полной незащитности. Ритка понимала, что поскольку он влюблен в нее, то не пойдет к училке жаловаться, искать правду. Она использовала доброе к себе отношение.

Пострадав несколько дней, Сергей сформулировал для себя вывод: если ты сделал кому-то добро, жди, что в скором

времени этот человек от тебя отвернется.

А еще спустя некоторое время в голову ему пришло, что он сам виноват: не надо было показывать Ритке решение, и ничего не случилось бы. Он получил бы свою заслуженную пятерку, Ритка – четверку или, на худой конец, тройку, но он не оказался бы благодетелем круглой отличницы, наоборот, посочувствовал бы ей, утешил, в кино пригласил бы тоску развеять. Словом, имел бы возможность повести себя как мужчина. Он же проявил инициативу и был за это жестоко наказан. И «пару» схлопотал, и Ритка от него отстранилась.

Отсюда второй вывод: никогда не лезь с помощью, если тебя об этом не попросили. Не стремись к тому, чтобы люди испытывали к тебе благодарность, тогда они будут тебя любить.

И третий вывод: не кидайся немедленно просьбу выполнять и помогать. Подумай сперва, не потеряешь ли этого человека, если он вынужден будет испытывать к тебе благодарность?

Раннее детство помнилось как-то отрывками. Вот он, трехлетний мальчуган впервые едет с папой в Москву поездом. В плацкартном вагоне битком людей и он на бис, под смех попутчиков, в десятый раз исполняет, перевирая слова, известную тогда песню: «Ах, эта девушка, меня чума взяла, разбила сердце мне, покой взяла».

А вот, в четвертом классе, пишет тайком на уроке любов-

ную записку Ритке Кулигиной.

А вот уже восьмой класс, проводы русской зимы... Проводы русской зимы в Вытегре всегда приурочивали к масленице. Это был, пожалуй, один из самых любимых праздников местной детворы.

День выдался славный. Ярко светило солнце, стоял легкий морозец и тишина, будто природа замерла перед решающим наступлением весны.

Учеба в голову не лезла. Сережа нехотя листал учебник, пытаясь побыстрее закончить с домашним заданием. Из кухни доносились вкусные запахи – мама стряпала блины.

Каждую минуту он подбегал к замерзшему окну и, в растопленную на стекле солью щелочку, выглядывал на улицу – боялся пропустить момент выстраивания праздничной колонны из лошадей с каретами и санями, украшенных разноцветными лентами и бубенцами.

В окно спальни послышался условный стук. Схватив по пути в прихожей ушанку, Сергей выскочил на крыльцо.

– Куда раздетый?! – догнал его запоздалый окрик мамы, но Сережа был уже на улице.

Из-за угла их дома выглядывал Юрка Самутичев.

– Серый, ну ты чего? Все уже в сборе.

– Я мигом!

Сергей вернулся домой, накинул фуфайку, схватил пару блинов с тарелки.

– Мам, я на улицу.

– А уроки? А кушать? Сейчас папа придет с работы, и сядем обедать! – строго возразила мама.

– Не-е-е, мам, я потом. А вы пообедайте без меня, – крикнул он, выбегая на крыльцо.

У крыльца уже ждали трое закадычных друзей: Юрка Самутичев, Валерка Филичев и Андрюшка Шевчук.

Поздоровавшись, как положено за руку, по-мужски, они направились дворами в центр, к площади, где по времени должно уже начаться основное гуляние.

На площади, возле трибуны, играл городской духовой оркестр. Шло какое-то нехитрое представление. В ряженных узнавались герои русских народных сказок: Емеля, Иванушка-дурачок, баба Яга. По периметру стояли столы с яствами. Горки дымящихся блинов на любой вкус: со сметаной, с маслом, грибами, рыбой и даже красной икрой. Калитки, розанцы, ростягаи, пироги с множеством начинок – все, чем славится кухня народов русского Севера. Под столами стройными рядами выстроились ящики с казенкой. Каждый стол украшал начищенный до блеска медный двухведерный самовар на углях.

Красавицы в самобытных сарафанах с покрашенными свеклой щеками залихвацки зазывали гостей.

Пошарив по карманам, друзья наскребли лишь восемьдесят копеек.

– Да, негусто, – отчаянно промолвил Андрей, – даже на «Солнцедар» не хватает, а какой праздник без вина?

Выручил, как всегда, Юрка:

– Так, не бздеть, я вчера видел, как в сарай швейной мастерской выносили мешки. Наверное, тряпье и отходы. Пойдем, глянем.

Швейная мастерская располагалась на Вянгенской улице (по названию одноименного ручья, вдоль которого она идет), по соседству с домом, где жил Сережа. В ее сарае, обычно полном дровами, они с детства устраивали штабы и различные тайники.

Помнится, как были в усмерть перепуганы лежащими там манекенами, приняв их за покойников.

Входная дверь сарая закрывалась амбарным замком, но в задней стенке его две доски легко сдвигались. Дальше шел лаз, проделанный пацанами в дровах.

Пробравшись в сарай, они увидели возле двери четыре мешка с отходами от швейного производства. Не теряя времени, вынесли их через лаз и мелкими перебежками направились в сторону Горпо, где находилась «сдавалка» (пункт приема вторсырья). Увы, там их ждало разочарование. Пункт был закрыт – воскресенье. Потолкавшись безрезультатно у закрытых дверей, ребята уже думали возвращаться, но и тут Юрка оказался на высоте:

– Ждите здесь, а я схожу домой к приемщице, она рядом живет, – уверенно сказал он.

Вскоре Юрка вернулся с дородной теткой. Та окинула надменным взглядом мешки, заглянула внутрь и недовольно

изрекла:

– По десять копеек возьму.

Пацаны знали, что тряпье стоит шестнадцать копеек за килограмм, но, как говорится, хозяин-барин, тем более в выходной день. Пришлось уступить.

Вырученных пяти рублей хватило на три бутылки вина, пачку сигарет, буханку ситного хлеба и полкило соленой ряпушки.

В четырнадцать лет, спиртное им конечно еще не продавали, поэтому пришлось воспользоваться услугами мужичка, болтающегося возле магазина. За что тот, увы, ополовинил одну из бутылок.

Отоварившись, ребята поспешили к праздничному кортежу. Колонна запряженных в сани лошадей уже была готова к выдвигению в центр города. Насчитали больше тридцати экипажей.

Ямщики в треухах и, подпоясанных разноцветными кушаками, тулупах, заканчивали последние приготовления.

– Давайте заскочим в дом к Зинке Кругловой, отметим начало праздника. Там у них ремонт, никого нет и лошадей в окно видно, – предложил Валерка.

В доме действительно шел капитальный ремонт. Дверей нет, пол вскрыт, внутренние перегородки разрушены.

Разместив на подоконнике нехитрую закуску, пацаны пустили бутылку по кругу.

В это время за окном обозначилось какое-то движение.

Народ рассаживался по саням, застоявшиеся лошади взбодрились и нетерпеливо перебирали ногами.

– Все, завязываем! Колонна тронулась! Бежим! – крикнул Андрей, и пацаны бросились догонять праздничный кортеж.

Мимо них, набирая скорость, проносились экипажи. Ребята попадали в, кто какие смог, сани. Под улюлюканье хмельных кучеров и переборы гармошек процессия вырвалась на проспект Ленина.

В санях была куча-мала. Под Серегой что-то кричал придавленный мужик, сверху его прижали две толстенные бабищи, ревущие матерные частушки, а на голове сидел хмельной дед и рвал меха залипающей клавишами гармошки. Праздник начался...

Возле площади кони перешли на шаг, продираясь сквозь загулявшую толпу. Мужики спрыгивали с саней, отоваривались в торговых рядах казенкой и вновь догоняли колонну.

Народу в санях прибывало. Если тройки еще уверенно тянули свои экипажи, то одиночные лошади уже отставали. Недовольные этим, кучера ногами стлкали в снег зазевавшихся пассажиров, облегчая сани.

Колонна повернула на самый широкий и протяженный в городе Советский проспект и лошади, почувствовав свободу, перешли на рысь. Началась гонка. В клубах лошадиного пара и снега, не разбирая дороги, с песнями и плясками, в пьяном угаре, неслась молодецкая удаль...

Сани занесло и опрокинуло. Серега кубарем скатился под

гору... Пришел в себя в сугробе, без шапки и в одном валенке. Вокруг него ползали на четвереньках люди, плакали и смеялись. Вверху, на дороге, шатался пьяный кучер и звал помочь перевернуть сани.

Отряхиваясь от снега и помогая друг другу, отдыхающие кое-как выползли на дорогу. Гуртом поставили сани на полозья и, загрузившись, экипаж повернул на площадь. Валенок Серега нашел под санями, а шапка, наверное, вылетела в пути.

Возле клуба Речников он увидел Юрку и Андрюху, соскочил с саней и подбежал к ним.

– Вы уже здесь? А Валерка где? – спросил он друзей.

– Мы вернулись на встречной тройке, а Валерка поехал до кладбища, там конечная, – ответил Андрей.

– Ну, чего делать будем? – спросил Серега

– Не знаю, – пожал плечами Юрка, – последнюю мелочь в санях растерял, даже блинов не на что взять.

– Пойдем «ковырять» масло, – предложил Андрей.

В ту пору в магазинах впервые появилось шоколадное масло. Стоило оно сравнительно дорого, три шестьдесят килограмм и, естественно, дома оно появлялось крайне редко, а было таким вкусным! Но, голь на выдумки хитра, придумали и тут. Ребята заходили в продуктовый магазин напротив городской бани, становились у прилавка, на котором стояли большие открытые кубы масла и, пока один из них отвлекал продавщицу, остальные незаметно пальцами выковыривали

масло в ладошки. Затем, за магазином, смаковали его.

– Да ну, масло. Придумаешь тоже, что мы, дети малые, что ли? – возмутился Юрка.

В это время к ним подошла продавщица с лотка:

– Ребята, помогите загрузить в машину ящики и корзины.

Юрка хитро подмигнул всем и тут же согласился.

Побросать в кузов тару, столы и корзины с продуктами было делом пятнадцати минут.

Продавщица поблагодарила и угостила стопкой блинов. Машина уехала, а Юрка откинул полу бушлата. За пазухой у него виднелась белая головка бутылки водки и палка копченой колбасы.

– Ну, ты даешь! – удивился Серега, – я бы так не смог.

– Сможешь, если захочешь, – снисходительно ответил Юрка.

К пацанам подошел Валерка и протянул Сереге шапку:

– Твоя?

– Моя, а где ты ее взял? – удивился Сергей.

– Дядя Толя, кучер, отдал. Сказал, что ты ее в санях забыл. Слушайте, мужики, – продолжал Валерка, – я сейчас видел, как Люська Бунгова с матушкой в баню пошли. Посмотрим?

Предложение было как заманчивым, так и опасным.

То, что пацаны заглядывали в женскую баню, люди догадывались, но, как говорится, не пойман – не вор.

– А ты знаешь, где смотреть? – заинтересованно спросил

Валерку Юрка.

– Конечно, знаю. Возле окон женского отделения большая поленница дров. Залезаем на нее, сцарапываем с окна белую краску и смотрим.

– Здорово! – заключил Юрка, – нож у меня есть, идем.

– Стоп! – резко остановился он, – а с водкой и колбасой, что делать будем?

Пацаны замаялись. Водка – дело серьезное, да никто ее к тому времени еще и не пробовал, другое дело вино или брага, но вслух сказать не решались.

– Ладно, – разрядил обстановку Юрка, – оставим ее «на потом».

К бане подошли уже в сумерках. Вплотную к четырем окнам женского отделения действительно было сложено три костра с рублеными дровами, высотой метра два с половиной, поэтому залезать на них пришлось карабкаясь по спинам.

Сергея чувствовал себя неуверенно, в душе, как будто кошки нагадили:

«А вдруг об этом узнают? Стыда не оберешься, а ведь он комсорг класса», – думал он, но вслух, естественно, этого сказать не мог, боясь оказаться слабаком в глазах друзей.

Ребята еще поднимались, а Юрка уже скреб ножом окно.

– Ух, ты, – шептал он, сглатывая слюну, – банное отделение, как раз возле душевых кабин.

– Дай посмотреть, ну дай... – нетерпеливо канючил Ва-

лерка.

– На нож и скреби сам другое окно, – отмахивался от него Юрка.

Ребята, лежа на дровах, упершись лбами и носами в стекло, смотрели одним глазом в маленькие щелочки, смаковали увиденное.

– Да тут одни старые бабы, смотреть противно, – недовольно проворчал Валерка.

– Какие старые?.. Вон смотри, учителька из первой школы. Вот это буфера... Да-а!.. – восторгался Юрка.

Сергея неуверенно прильнул к окну. Перед его взором, закрыв собою все пространство, шевелилась огромная задница. Ему стало как-то не по себе, и он отвернулся. Заметил, что Андрей тоже в окно не смотрит, а сидит с виновато-отрешенным видом.

– О! – воскликнул Валерка, – вон Люська, а вон Зинка Круглова. Ух ты!.. А ножки у Люськи ничего!..

– Ах вы, подлецы!.. Ну, я сейчас вам дам!! – раздался грозный женский оклик у поленницы. – Ишь чего удумали, стервецы!!!

Пацаны вскочили на ноги. Поленница зашаталась и медленно обвалилась наземь.

Выбираясь из-под дров, не обращая внимания на сильную боль в правой ноге, Сергей увидел над собой двух полуголых женщин и тут же получил шайкой по голове.

Припадая на ногу и ничего не соображая от удара, он бе-

жал вслед за удаляющимся Юркой.

– Узнали!.. Точно, узнали!.. Теперь разнесут по всей школе. Ну, зачем я туда пошел!?.., – страдал от необдуманного поступка Серега.

Юрка остановился, подождал его и, хохоча во всю глотку, пытался ободрить товарища:

– Вот это приключение!.. Успокойся, все нормально, погони нет.

– Какое там нормально: глаз подбит, нога не ходит. А еще разговоров будет на весь город. Матушка узнает, и в школе тоже, – ныл Серега.

– Да брось, ты. Никто нас не узнал, уже темно. Подумаешь, на старые бабьи зады посмотрели... Вот делов-то, – уверенно отстаивал свою правоту Юрка.

– А где ребята?

– Андрюха побежал к реке, А Валерку, по-моему, банщица схватила, не знаю, вырвался или нет.

Обойдя баню за два квартала, друзья направились в свой двор. Андрей и Валерка сидели на крыльце.

Валерку банщица отпустила, предварительно дав пинка под зад, а за Андреем никто не гнался.

Обсудив происшествие, в расстроенных чувствах, ребята разошлись по домам.

Как ни странно, но продолжения этой истории не последовало. Им, молодым тогда еще пацанам, не дано было понять действий взрослых женщин.

Они ждали открытых комсомольских собраний с разбором морального облика будущих строителей коммунизма и долго еще пристально и виновато вглядывались в лицо каждой встречной женщины. Но все на этом и закончилось и лишь много лет спустя, Люська Бунгова призналась Сергею, что видела его через окно и специально показывала себя, а он, дурак, этого не оценил.

4

Зимой, основными занятиями пацанов, были катание на лыжах по зимнему лесу, беганье на коньках «снегурках», примотанных веревками к валенкам, по обледенелым улицам города и игра в хоккей прямо на проезжей части. Или строили из снега крепости и целые города, а потом брали их приступом, используя при этом различные самодельные осадные орудия. Как-то, сделали даже танк из фанеры, который сам двигался на цепной передаче двух велосипедов, а вместо колес поставили на ось фрезы от циркулярной пилы. У каждого имелось деревянное ружье с резиновым боем, которое стреляло алюминиевыми пульками по принципу рогатки. Была и пушка (большая рогатка), резину которой натягивали два человека, стреляла она камнями. Как в ту пору не покалечили друг друга? До сих пор удивляюсь. Домой по вечерам было не загнать. Мама много раз кричала в форточку: «Сереза, домой!» Да, куда там, именно в это темное

и позднее время, казалось, начиналось самое интересное.

Домой возвращались краснощекими от мороза и счастливыми, в обледеневших, стоящих колом, шароварах. У каждой компании был свой штаб. Обычно его строили в сарае, наполненном колотыми дровами, делая в них тайные проходы и пролазы, так что далеко не каждый попадет во внутрь его.

Сказать, что сильно курили? Наверное, нет. Так, баловались, подворовывая папиросы у отцов из неполных пачек «Авроры», «Шипки» и «Беломора». А первыми сигаретами с фильтром, были «Кронштадские», по 35 коп. за пачку.

Плавать Серега научился в девять лет, да это и не удивительно в краю рек и озер, а вот, как первый раз тонул, помнил.

Это было в пятом классе. Настоящим пловцом считался тот, кто переплывет туда и обратно речку Вытегру, вернее ее первое русло, так как саму речку искусственно развернули со старой Мариинской системы шлюзов к новому первому шлюзу канала Волго-Балт. Речка неширокая, метров сто, но для детворы это было значительным расстоянием. Серега долго не мог решиться на этот поступок, но подкальываемый взрослыми парнями, все же поплыл. На ту сторону он переплыл довольно удачно. Надо было немного отдохнуть, но парни направились обратно, и Серега пристроился к ним. Когда до берега оставалось метров двадцать, поднялась волна, вода попала в нос и в рот. Серега закашлялся и стал за-

хлебываться, от усталости руки и ноги не слушались. Испугавшись, он закричал. Подоспевшие ребята вытащили его на берег, где он час лежал не в силах пошевелиться и надолго понял, что с водой шутить нельзя.

Впервые со смертью ему пришлось столкнуться лет в семь. Утонула соседняя девочка Зоя, на год старше его. Они всем двором ходили к ней домой прощаться. Она лежала в маленьком гробике как живая и не вызывала никакого страха. Они стояли понутив головы и скорбели как могли, потом убежали во двор и как ни в чем не бывало бесились. Лично Сергей ходил прощаться два раза. Потому что мама девочки, тетя Лида, давала всем по конфетке. С тех пор ему пришлось повидать немало трупов, и с каждым разом он все отчетливее понимал, что костлявая размахивает своей косою где-то рядом и встречу с ней может обеспечить какая-нибудь нелепая случайность.

Наибольшим потрясением детства была папина авария. Сергей тогда учился в четвертом классе. Когда к ним в квартиру зашла незнакомая женщина и сказала маме, что Николай Иванович на автобусе упал в реку с Северского моста, он испугался.

Первое, что ударило в голову: «Папы больше нет!» Он смотрел ошарашенными глазами на маму. Та медленно села на табуретку и тоже молча смотрела на сына.

– Сереж, может, сходишь, посмотришь? – тихо попроси-

ла она.

Идти не хотелось, да просто было боязно, но надо. И он пошел. Шел медленно, дальней дорогой, как бы отдаляя страшный момент.

У моста былолюдно. Знакомые пацаны, увидев Сережу, подбежали к нему. Перебивая друг друга, они что-то говорили, но Сергей их не слушал, а как заколдованный, молча шел к реке, и с ужасом вглядывался через пролом в бетонном ограждении моста.

И тут он увидел папу! Живого и невредимого! Он шел в окружении двух милиционеров к райотделу. Встретившись взглядом с сыном, он подмигнул, как бы ободряя и поддерживая Серегу.

Сережа встrepенулcя, ускорил шаг, и смело посмотрел вниз с моста. Автобус висел на старых сваях, погрузившись капотом в воду. Заднее стекло было разбито. Через него, очевидно, и выбирались люди.

Из разговоров взрослых он понял, что дорогу перед автобусом перебежал парень, и папа, чтобы не совершить на него наезд, направил машину в реку. Обошлось без жертв.

Сергей тут же побежал домой, сообщить радостную весть маме. Последствий особых не было. Вскоре папа ездил на другой машине, но случай этот и первое глубокое потрясение, запомнились Сергею на всю жизнь.

Организм рос и крепчал и постоянное чувство голода, за-

ставляло задумываться о подкормке. То грибы на костре жарили, то картошки на поляне накопают и запекут. Воровали с огородов огурцы и лук, а когда поспевал горох, делали набег на гороховища. Пока часть пацанов отвлекали на себя сторожа, остальные набивали стручками пазухи. Весь вечер им лакомились, а затем, увы, по два дня из уборной не вылезали.

Металлолом, макулатуру и бутылки собирали, когда были нужны деньги. Сначала на кино, лимонад и конфеты, затем на вино и танцы. Хорошо зарабатывали летом в лесу на заготовке ивового корья.

Свободного времени в детстве у Сергея было мало, так как с десяти до пятнадцати лет он учился в музыкальной школе. Занятия шли каждый день по два часа после обеда: специальность, сольфеджио, музыкальная литература и два оркестра по воскресениям, баянистов и духовой. Учился он по классам баяна и трубы. В оркестре баянистов, руководимым директором школы Бибиксаровым Сан Санычем занимались и его одноклассницы: Люда Белкина, Таня Паршукова, Света Осюковская. Особенно Сергею нравилось заниматься на духовых инструментах: теноре, баритоне и тромбоне. Мечтал освоить саксофон и кларнет. Игра на трубах, в отличие от баяна, давалась легко, а главное, было большое желание совершенствоваться в этом у Николая Константиновича Чеснокова. Человека с большой буквы, посвятившего себя воспитанию подрастающего поколения. Более семи-

десяти лет он верой и правдой служил искусству, впитывая его в умы вытегор. Их дружба, наставника и ученика, пройдут через десятилетия. С духовым оркестром связаны и первые профессиональные заработки. За игру на похоронах ему платили четыре рубля.

Если учесть дела по дому, внеклассную работу, несколько кружков и участие во взрослом духовом оркестре, то на улице время не оставалось.

Спортивных секций ни в школе, ни в Доме пионеров практически не было. Разве что лыжи, баскетбол и шахматы. Их Сергей посещал постоянно и добился определенных успехов, но развить их, при отсутствии тренеров, можно было лишь самостоятельно, что он и делал. По выписываемым через посылторг брошюрам учился самбо и боксу. Помогло ли это в жизни? Возможно. В уличных драках, точно помогло.

Первый раз попробовал коньяк на пятнадцатилетие. Отмечали его с Вовкой Старковым (Налимом) у его отца на барже в устье Онежского озера. Отец оставил их дежурить, а сам поплыл на лодке в город за продуктами. Пацаны проверили заранее поставленные сети, и из ершей, лещей и щуки сварили настоящую тройную уху. Затем пили «Бренди», ели уху и орали на всю округу песни.

5

Юрка Самутичев стал киномехаником клуба Речников

после восьмого класса и окончания курсов в Череповце. Он быстро освоил немудреную специальность и теперь с утра до позднего вечера пропадал в своей будке, пропахшей теплой пылью и жженой пластмассой. Ему нравилось возиться с пленкой, заряжать ее в проектор, заставляя скользить в хитром лабиринте валиков, зажимов, зубчиков и пазов, перематывать с одной тяжелой катушки на другую, вдыхать ее чудесный, неповторимый запах.

Нравилось получать новый фильм по накладной и горделиво перетаскивать банки из машины к себе в келью мимо праздных зевак.

Нравилось небрежно прогуливаться у клуба за час до сеанса, наблюдая, как озабоченно спрашивают граждане друг у друга лишний билетик.

Но больше всего нравилось Юрке таинство рождения невзаправдашной, но такой волнующей и интересной экранной жизни. Наблюдать историю чужой любви или ненависти сквозь крохотную амбразуру окошка киномеханика было гораздо занимательней, чем из зала. Кроме того, Юрка чувствовал себя безраздельным хозяином этой любви и ненависти, собственником страстей, печалей и радостей. Он щелкал тумблером проектора, и десятки людей в переполненном зале умолкали, зачарованные вспыхнувшим в темноте чудом, сотворенным для них волшебником из кинобудки.

А еще Юрка вдруг заметил, что стал нравиться девушкам. Они строили ему глазки, дарили обворожительные улыбки

и просились в кинобудку на последний сеанс какой-нибудь импортной, модной картины.

Юрка не отказывал. Каждый вечер он проводил одну из девушек по служебной лестнице к себе в келью, поил чаем, потом деловито и гордо заряжал пленку, придвигал табурет, усаживал гостью перед амбразурой и щелкал тумблером проектора. После сеанса девушка поднималась с табурета, оглаживала юбку, потягивалась, чмокала Юрку в щечку и исчезала.

Между тем, все мы завидовали Юрке.

– Повезло тебе, – сказал как-то Валерка Филичев, на очередной нашей встрече у друга в кинобудке. – Ты их там всех чпокаешь по очереди?

– Кого? – не понял Юрка.

– Ну,.. баб, – Валерка подмигнул. – В кинобудке – самое оно!

Юрка усмехнулся.

– Они же кино ходят смотреть, а не чпокаться.

У Валерки округлились глаза.

– Ты серьезно, корешь? Ну, тогда извини, ты – полный осел! Уж я бы не растерялся! – выделывался он.

– Мне не по себе как-то, не знаю с чего начать, как подступиться... Словом, робость какая-то... – неохотно признался Юрка.

Через пару дней, глотнув для храбрости портвейна, Юрка пригласил в кинобудку смазливую юную особу по име-

ни Надя Насонкова. Это была улыбочивая беленькая девушка лет четырнадцати с красивыми карими глазами и широкими скулами, заметно выступающими на милостиво загорелом лице. Насонкова жила в доме напротив нашего, и Юрка частенько ловил на себе ее игривый взгляд, когда шел через двор на колонку по воду.

– Сегодня привезли французскую картину, – сказал ей Юрка, – Приходи ровно в девять. Я встречу.

И Надя пришла.

Она сидела на табурете в легком цветастом сарафане, сложив руки на загорелых коленках, пока Юрка заряжал пленку в проектор, и в тесной кинобудке тяжело плавал приторный запах ее духов.

Юрка ловко управился с первой катушкой, проверил затвор, потом открыл следующую банку, отмотал пленку и стал пристраивать ее на второй проектор.

– А зачем два аппарата? – спросила Насонкова.

– Подойди, покажу, – кивнул Самутичев.

Девушка охотно встала с табурета, подошла к проектору и наклонилась к окошку, вглядываясь в матовую темноту зала.

– Фильм состоит из нескольких частей. – Юрка встал у нее за спиной, чувствуя, что сердце выпрыгивает из груди. – Когда подходит к концу первая часть, – он невзначай положил руку девушки на бедро, то на экране в правом нижнем углу появится такой кружок... – Он встал вплотную к девушке и,

тоже наклонившись, скользнул рукой по ее животу к груди. – Такой... кружочек...

– Кружочек? – переспросила Надя, не шевелясь и не убирая руку Юры.

– Кружочек, – подтвердил он хрипло, одной рукой ощупывая упругую грудь девушки. А другой пробираясь ей под подол. – Такой белый... кружочек.

– И что? – в стекле окошка было видно отражение Надиного лица. Она закрыла глаза.

– Этот кружочек означает, – Юрка провел рукой между ног девушки, – что я должен включить второй проектор... Но – пока без изображения...

– Как же можно?... – еле слышно спросила Насонкова, – ... без изображения...

Она чуть-чуть раздвинула ноги, чтобы Юрке было удобнее хозяйничать под подолом.

– А для этого существует... – у Юрки закружилась голова. Он зацепил пальцами Надины трусики и потянул вниз, – крестик, – прошептал он, с жадностью лапая прохладные ягодички своей гостью. – На белом крестике я должен запустить изображение...

– Запускай! – нетерпеливо повторила девушка, прогибаясь на манер кошки и потираясь щекой о собственные руки, сложенные на краешке киноамбразуры.

– Щас я, щас... Юрка, наконец, одолел застежку на ремне и приспустил штаны до колен.

– Запуска... аю...

Через несколько минут он отпрянул, вытер ладонью лицо и неуклюже натянул штаны.

Девушка достала носовой платок из накладного кармана сарафана, протерла им между ног, ловко подцепила туфелькой с пола сползшие трусики и, обернувшись к Юрке, весело поинтересовалась:

– А зеркало здесь есть?

– Нету – Юрка вдруг почувствовал неловкость. – Знаешь, я... ну, словом...

– Что? – в Надиных глазах прыгали озорные искорки.

– Я ведь... и жениться могу, выдавил наконец Юрка. Девушка расхохоталась, чем привела его еще в большее смущение, потом неожиданно посерьезнела:

– Можешь или хочешь?

Юрка пожал плечами:

– Хочу...

Надя медленно подошла и обвила его шею руками. Трусики, зажатые между пальцами, теперь свисали у Юрки с плеча.

– Ну, тогда – женись, прошептала она.

– А ты... – Юрка не сразу нашел нужные слова. – Ты разве... любишь меня?

– Конечно, люблю, – девушка смотрела ему прямо в глаза. – Ты разве не понял?

– Давно? – спросил он, чувствуя, что выглядит глупо.

Девушка поправила на запястье аккуратные часики с тонким ремешком:

– Уже почти пятьдесят минут.

Юрка хмыкнул.

– А теперь включай свою бандуру, – Насонкова улыбнулась и кивнула в сторону проектора. – До белых кружочков у нас еще есть время...

На следующий день Юрка, развалившись по-барски на стуле с папиросой во рту, рассказал нам в картинках о своем первом мужском опыте. Мы слушали его, дико завидуя, открыв рты и развесив уши.

О своем желании жениться он вскоре забыл, у него появились не менее симпатичные подружки, а с Надей, на удивление, продолжил «дружбу» Валерка Филичев.

6

Рыболовство являлось основным промыслом местных жителей. В шестидесятые годы жили бедно и питались рыбой да картошкой. Правда, даже в то время, молоко для учеников в школьных буфетах давали бесплатно.

Рыбу заготавливали впрок во время весенней (май) и осенней (октябрь) пугины. Весной шла корюшка, осенью – ряпушка. В это время весь город жил на реке.

Ставились шалаши и палатки, жгли костры. Весь этот табор растягивался вдоль русла реки на пятнадцать километров, от устья Онего и до водохранилища первого шлюза ка-

нала Волго-Балт.

Мужики курили и, не спеша, проверяли с берега саками ход рыбы, изредка вылавливая по три – четыре корюшины, крупной, граммов по триста – четыреста, подледной, самой первой, самой жирной и вкусной.

Женщины налаживали быт на берегу. Дети после занятий в школе, помогали родителям и шумными компаниями, почувствовав свободу, резвились в прибрежной зоне.

Уйти с берега нельзя, так как пик путины длится всего несколько часов, а не наловишь рыбы, будешь жить впроголодь до следующего года.

Издали слышались, пока еще не разборчивые, крики. Народ зашевелился и вот уже звуковая волна накрывает нас: «Пошла-а!... Пошла-а-а!!!...». Мужики с саками бегут к воде, женщины и дети за ними. Видно, как по тихой воде приближается бурлящая стихия. Она пролетает мимо людей, ударяется в ворота шлюза и стену плотины, разворачивается, сталкивается с встречным потоком и начинается месиво. Река по всей своей сто метровой ширине становится похожей на кипящую белую кашу. Создается впечатление, что по рыбе можно перейти на ту сторону. И вот тут не площадью. Мужики черпают саками рыбу, попадается по тридцать-пятьдесят штук. Ребята вытряхивают рыбу из саков, женщины собирают ее в корзины, ящики и мешки. Обычно, это длится всю ночь, к утру ход рыбы спадает.

Довольные мужики курят, делятся впечатлениями, вспо-

миная курьезные случаи и, под водочку, лакомятся зажаренной на вертелах свежей корюшкой. Народ расходится, впереди еще много работы по засолке и маринованию рыбы.

Мясные блюда на столах вытегор были, в основном, только по праздникам, несмотря на большое поголовье крупнорогатого скота. Племенные коровы, в основном, были молочного направления, из молока которых готовилось знаменитое вологодское масло. В магазинах мясо продавалось очень редко и, как правило, покупалось у местных охотников. Особенно ценились лосятина и медвежатина.

Серегу на охоту отец брал с самого детства. Тетеревов, глухарей, белку и зайцев били попутно, когда ездили в лес по надобности.

7

В ходе учебы за десять лет, состав класса неоднократно менялся. Их перебрасывали из школы в школу, переводили учеников, поэтому длительной дружбы и сплоченности между ребятами не было. В школе всех объединяла учеба, а дома у каждого была своя компания.

Создание коллектива, как единого организма, началось, пожалуй, с выезда девятых классов на уборку картошки. До этого, основной формой общения между девочками и пацанами были любовные записки, суть которых заключалась в предложении дружбы, провожания после уроков домой

и приглашений в кино. Все изменилось на картошке.

В деревню Андома отправили три девятых класса. Жили в семьях колхозников по три-четыре человека. Кровати и матрасы выделило правление колхоза, давали также на дом в день по килограмму говядины и ведру молока. Готовить должны были сами. Работать предполагалось весь световой день с семи утра до семи вечера, однако, работа изначально не пошла, так как полили затяжные осенние дожди. Ребята больше грязь месили в поле, чем убирали картошку. Молодежь это устраивало.

Главное то, что все они впервые оказались свободными от зоркого родительского ока, внимания соседей, знакомых и учителей, да еще и рядом со своими симпатиями. Погода была им на руку. Сутками пропадали пацаны с девочками на сеновалах, сараях, в деревенском клубе и по домам.

В правлении колхоза быстро поняли, что никто их картошку убирать не будет и что детвора, впервые оказавшаяся на воле, которая вскружила голову, просто пустилась во все тяжкие. Решено было срочно вернуть учеников за парты.

Этот выезд очень сдружил класс, а для некоторых был началом взрослой жизни. Сергей же все две недели откровенно скучал, так как его Любаша осталась в городе.

*«Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодец – будешь воду пить,*

*Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется, что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь.
И не теряй любимых – не вернешь,
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаешь».*
Омар Хайям

ГЛАВА 2

СТАНОВЛЕНИЕ

1

«Тудук-тудук, тудук-тудук» – мерно отстукивали колеса вагонов. Сергей Сибирцев лежал на верхней полке и смотрел в окно. Мимо проплывали леса и луга, перечеркнутые ручьями и речушками. Вытегра – Лодейное Поле – Москва – Горький – такой маршрут следования был у него и Вовки Субботина.

С Вовкой Субботиным они вместе росли. Ходили в детский сад, в котором работали их мамы, затем десять лет в школе и вот сейчас ехали поступать в военное училище.

Получилось так, что пока Серега определялся, чем заняться после школы, в райвоенкомат пришла разрядка на двух человек для поступления в Горьковское высшее военное командное училище связи. Первому предложили Вовке, а тот уже прибежал к Сереге и стал его звать с собой, расписывая все прелести армейской жизни по воспоминаниям своего отца, Михаила Васильевича, офицера-фронтовика.

Мама Сергея поддержала Вовку, уж очень ей хотелось

дать сыну высшее образование, да и профессия военного на то время была, пожалуй, самой престижной. Много что значило и полное государственное обеспечение. В семье еще была младшая дочь Танюшка, которую надо было поднимать, а на зарплату воспитательницы да мужа, шофера, много не выдюжишь.

Особого желания стать военным у Сереги не было, но, учитывая то, что экзамены в вузы начнутся только через месяц и из солидарности с другом, решил съездить, поддержать его, да и самому силы свои проверить.

Возможно, на выбор будущей профессии и желание поступать в военное училище повлияло и то, что в восьмом и девятом классах, Сергей с Вовой занимались в кружке радиолюбителей. Вел кружок солдат срочной службы из расположенного на окраине города радиотехнического батальона.

Два раза в неделю их собирали в комитете комсомола школы, и солдат учил их азбуке Морзе, работе на ключе. Они собирали первые простейшие детекторные радиоприемники в корпусе обыкновенной мыльницы. Знания физики и математики укреплялись на практике, и им это нравилось.

Провожали их как на войну. Родители, братья и сестры, знакомые, соседи, товарищи и друзья, человек тридцать на автостанции собралось. Было много слез, пожеланий, объятий, доверительных постукиваний по плечу, даже «Прощание славянки», исполненное на гармошке подпитым незна-

комым мужичком. Одно омрачало – не было Любаши. Она как-то тайком уехала в Ярославль, поступать в медицинский институт.

До Лодейного Поля добирались шесть часов на автобусе по бездорожью и лежневке, там сели на поезд и рано утром были в столице. Москва оглушила их суетой и шумом несметных толп людских потоков. Первое впечатление было не из приятных. Воспитанные на догме, что «Человек – это звучит гордо!» и воспринимающие каждого человека, как личность, увидев эту огромную серую массу, этот муравейник, ребята просто растерялись.

Первым делом поехали на Красную площадь. Гуляя по ней, ощущали причастность к чему-то великому и вечному. Два часа простояли в очереди в мавзолей. Сам процесс медленного движения по мрачным комнатам его, навевал у проходящих здесь людей потусторонность и невозвратимую потерю чего-то главного. А вот Ленин был неузнаваем. Не имел ничего общего с тем, изображенным на картинах и портретах, увековеченным в граните, и казался чужой восковой фигурой.

После мавзолея зашли в ГУМ, удивляясь его размерами и красотой. Хотели съездить на ВДНХ, но уже устали от новых впечатлений и отправились на вокзал.

По прибытии в Горький, расспросив дорогу у местных

жителей, поехали в училище. На КПП дежурили курсанты. Узнав, что прибыли новые абитуриенты, они стали нагонять страхи. Говорили, что здесь настоящая тюрьма и если они зайдут на территорию, то обратного пути не будет, а так как время прибытия только завтра, то надо использовать каждую минуту на свободе.

– Да, вот это влипли! – сказал Вовка, – может, рванем обратно домой?

– И как же в глаза нашим будем смотреть, после таких проводов и надежд на нас? Нет, проведем последний день на воле и за забор, – уперся Сергей.

Не зная, куда податься в незнакомом городе, решили обойти училище вокруг. Увидели реку Оку. Спустились к набережной. Вдали виднелась Волга. Это была стрелка. Как говорится: «Под городом Горьким, на стрелке далекой...». Бродили они, бродили, уже смеркалось и кушать хотелось и казалось, что бог с ней со свободой, пойдем в училище, но неудобно было перед курсантами на КПП. Подошли к административному зданию, дверь в которое оказалась открытой. Зашли. Внутри была комната со столом и двумя стульями. Там, ворочаясь на стульях, провели ночь, а утром, чуть свет, побежали в училище, не хотелось им больше такой свободы.

Конкурс в училище был большой – семнадцать человек на место. Абитуру расселили в двух старых казармах. Спали в три яруса. Кормили, в основном, «небрityм» вареным

свиным салом и кашами: перловая, ячневая или овсяная. Учитывая, что наши герои в пищу по традиции употребляли рыбные блюда, то от одного только вида такой «еды» их тошнило.

Экзамены шли через каждые три дня. Абитуру разбили на группы. Привлекали лишь на уборку территории, да некоторые физические работы, а остальное время отводилось для подготовки к экзаменам. Правда, уже присутствовали элементы дисциплины: по утрам организованный подъем, физзарядка, все передвижения по территории только строем, в 22.00 – отбой, за ворота училища не пускали – казарменное положение.

Писем домой не писали, ждали результатов. Экзамены сдавались сравнительно легко. Несмотря на то, что вопросы билетов значительно отличались от школьной программы, развитое логическое мышление и учеба на курсах МФТИ помогли Сергею, экзамены он сдавал на «хорошо» и «отлично». А вот у Володи дела шли хуже, а на последнем экзамене по математике получился вообще казус. Посредине экзамена ему вдруг сильно захотелось в туалет. Он крепился, крепился и, наконец, спросив разрешения у преподавателя, вышел. Тот отпустил его, но только навсегда, забрав ответ на билет. В общем, Вовка бросил листы и пулей вылетел в туалет. В результате, мочевого пузыря остался цел, но за экзамен получил «пару». А, получив двойку, абитуриенты, как правило, уезжали домой.

– Да, дела! – Сказал Сергей, – смотря, как Володя собирает чемодан. – Ехал поступать ты, а поступил я. Так получается?

Володя был потрясен до глубины души. Если бы не ребята вокруг, то он, наверное, расплакался.

Видя состояние друга, Сергей не выдержал:

– Я сейчас. Сиди и жди, без меня ни куда.

Он вышел из казармы и направился в штаб. В приемной начальника училища сидели офицеры. Сергей обратился к адъютанту:

– Товарищ прапорщик, я к начальнику училища по личному вопросу.

– Тебя вызывали?

– Нет, но мне срочно надо.

– Сегодня не приемный день, придешь послезавтра.

– Это долго, мне надо сейчас.

– Товарищ абитуриент, вы что, плохо слышите? Кругом, шагом марш.

– Нет, я никуда не пойду.

– Что там за шум? – послышался голос из приоткрытой двери.

– Товарищ генерал, здесь абитуриент по личному вопросу прорывается, сейчас я его выпровожу.

– Не надо, пусть зайдет.

Сергея зашел в кабинет. За массивным дубовым столом сидел генерал. Ноги стали ватными, в горле комок встал, –

ведь живого генерала он видел впервые.

– Проходи, садись, бунтовщик. Что за вопрос?

– Тут такое дело, товарищ генерал. Серега, волнуясь, рассказал историю происшедшую с Владимиром.

– Я не очень хотел поступать, а баллы набрал. Друг же, всю жизнь мечтал стать офицером, а на последнем экзамене из-за туалета срезался. Можно нас поменять местами. Вова пусть учится, а я поеду домой, буду поступать в институт?

– Так. Значит, сам погибай, а товарища выручай? Молодца-а! Фамилия как?

– Моя?

– Твоя, и друга?

Генерал поднял трубку телефона.

– Олег Андреевич? А скажи-ка дорогой, что за абитуриенты Сибирцев и Субботин?

– Так.., так.... Понятно. В общем, пометь себе, что с сегодняшнего дня они курсанты училища.

– Ну что, товарищ курсант, поздравляю! Иди, поздравь и успокой своего друга.

– Товарищ генерал, спасибо! А как?... А что?... Ну, я не знаю...

– Вам все понятно, товарищ курсант?

– Так точно, товарищ генерал!

– Идите и не мешайте работать.

– Есть, товарищ генерал! – радостно вскрикнул Серега и пулей вылетел из штаба.

Прибежав в казарму, он увидел Володю, сидящего на чемодане.

– Отставить сопли, товарищ курсант, вы приняты!.. Но Вова так и не поверил, даже тогда, когда на следующий день увидел себя в списках поступивших в училище.

2

Курсантская жизнь началась с курса молодого бойца. Целый месяц на тридцати градусной жаре они вбивали кирзовыми сапогами пыль в асфальт строевого плаца, натирая кровавые мозоли на ногах неумело накрученными портянками и обливаясь потом в белых выгоревших гимнастерках. По утрам были обязательные кроссы на три километра, затем занятия на гимнастических снарядах и полосе препятствий. Короткий отдых на общевоинских уставах и политзанятиях, и все это заканчивалось десяти километровым марш-броском.

После месяца таких нагрузок, учебные роты на треть поредели. Никто не ожидал, что стать офицером, так сложно. Часть молодых бойцов решили вернуться в гражданскую жизнь.

Вечерами и в выходные дни их привлекали к физическому труду и уборке территории. Без них не обходилось ни одно строительство, погрузочно-разгрузочные и земляные работы. В общем – бери больше, кидай дальше, от обеда до за-

бора.

Но, конец приходит всему. Закончился курс молодого бойца и вот он день принятия воинской присяги.

За две недели до присяги подготовили и подогнали парадную форму. Все пальцы исколоты иголкой от многократных перешиваний погон, петлиц и шевронов. Неделя строевых приемов с оружием и училище, под медь духового оркестра и строевую песню, выдвинулось пешим порядком к Нижегородскому кремлю для принятия присяги. Все было очень торжественно. Собралось много гостей, представителей власти, родных и близких. Ворота училища распахнуты настежь для всех желающих. Впервые за два месяца можно вздохнуть свободно.

К сожалению, родные Сереги и Володи на присягу не приехали. Далеко и дорого. Сердца ребят разрывались от тоски, когда наблюдали, как родные и девчата поздравляли пацанов с вхождением их в ряды защитников Родины.

– Как же там мама, папа и сестренка? Как Любаша? – Думал Сергей. Казалось бы, все отдал за то, чтобы в эти минуты они были здесь.

В день принятия присяги всем выдали увольнительные записки до вечера. Местные ребята и те, что жили рядом с городом, сразу же разъехались по заранее разработанным планам. Остальные же кучковались возле КПП, одуревшие от внезапно свалившейся на них свободе и не знали, что с ней делать. Володя вообще вдруг решил вернуться в ка-

зарму, написать письмо домой и поиграть на гитаре. Серега со своими сослуживцами по взводу, Славиком Уриным и Мишкой Стрелковым, решили прогуляться по городу. Только вышли на центральную улицу, тут же к ним подошел патруль. Увидев курсантов-первогодков, патрульные откровенно издеваясь, задавали дурные вопросы и придирались к форме одежды. А мимо, поглядывая и посмеиваясь, проходили девчата. Ребята прямо сгорали от стыда. Как это они, здоровые взрослые парни, стоят, опустив головы, как нашкодившие подростки и выслушивают нравоучения начальника патруля? Увы, таков удел всех военных.

Стемнело. Из парка доносились звуки музыки. Но в таком состоянии, когда кажется, что за тобой постоянно следят, и боишься сделать что-то не так: расстегнуть пуговицу, ослабить ремень или галстук, снять фуражку, – веселиться почему-то не хочется, какие уж тут танцы? Покрутившись по парку, ребята направились ближе к училищу. Возвращаться из увольнения раньше указанного времени не принято, «шиком» было проскочить КПП на последней минуте и потом азартно рассказывать, как ты «круто» провел свободное время. Протолкавшись еще битых два часа по подворотням, ребята, наконец, решили зайти в училище. Так прошло первое увольнение.

Однообразно тянулись армейские будни. После присяги весь первый курс отправили в запасной район на полевые занятия. Курсантов набрали с большим запасом и, казалось, создавались специально такие условия, чтобы отсеять лишних. Жили в палатках, еду готовили на походной кухне. Пошли осенние дожди, дороги развезло – мряка и слякоть. Просушить одежду и обувь практически негде, сушили на теле во время кроссов и марш-бросков. И все же умудрялись ночью бегать в самоволку в соседнюю деревню за пять километров. Подходили к клубу, разговаривали с местными пацанами, поглядывали на девчат, слушали музыку и к утру бежали назад в лагерь. Зайти на танцы или, тем более, выпить вина, боялись, так как знали, что если попадешься, разговор будет коротким – солдатом в армию. Рисковали, но в самоволки бегали.

К первому октября вернулись в училище, начался самый трудный первый семестр. Шли, в основном, общеобразовательные предметы: математика, физика, черчение, немецкий язык, физическая и автомобильная подготовки. Продолжались уставы и строевая подготовка. Постоянные кроссы и марш-броски. Учеба шла вперемешку с караулами и внутренними нарядами. Получить пару-тройку внеочередных нарядов было как «два пальца об асфальт». Создавалось впечатление, что сержантов специально натаскивали, чтобы они нас заживо сжирали.

Сибирцев не мог пройти мимо несправедливости, часто

спорил с младшими командирами и как результат, через день – на ремень, из нарядов не вылезал, что плохо влияло на успеваемость. Только благодаря хорошему багажу школьных знаний и отличной зрительной памяти он держался на плаву. А тут еще письма с Родины от пацанов, в которых они расписывали свои похождения с подружками. Порою, так душа занует, что кажется, а зачем все это, зачем училище, годы, проведенные за забором? Зачем? Ответа пока не было и лишь ответственность и чувство гордости родителей за тебя удерживало на выбранном пути.

Зимнюю сессию из сорока человек взвода сдали только десять, среди них и Сергей. У остальных были долги, которые надо ликвидировать за две недели зимних каникул. Володя тоже завалил математику, а это значит, что выезд на Родину накрывался «медным тазом».

Спросите любого курсанта или офицера, что значит не поехать домой в первый курсантский отпуск? Это крах, самоубийство... Казалось, земля должна разверзнуться. На счастливых, сдавших сессию, смотрели, как на людей выигравших машину. Вдумайтесь! Пол года пота и крови, лишений моральных и физических, пришедших на пацана, только что оторвавшегося от мамкиной юбки и, наконец, ставшим настоящим мужчиной, да к тому же красавцу в военной форме, и не приехать порадовать родителей, не пофорсить перед девчатами. Да за что боролись, в конце концов!? Да, это катастрофа!..

Сергей стоял возле штаба училища вместе с Юркой Киселло, сыном начальника училища и соседом по койке. Сергей просил его замолвить словцо перед отцом за Володю, чтобы тому раньше назначили пересдачу по математике. Намечалась она только через неделю, а там уже не было смысла ехать в отпуск, так как зимние каникулы всего две недели. Однако Юра отказался, предложив это сделать Сергею самому, а отца они подождут вместе.

Наконец из штаба вышел начальник училища.

– Ты меня ждешь? – спросил он, увидев Юрку.

– Да, пап, тут Серега хотел обратиться к тебе.

– А, старый знакомый, еще держишься?

– Товарищ генерал, тут дело в том, что друг мой, о котором я с Вами говорил, математику завалил, а без него мне домой никак нельзя. Разрешите ему экзамен быстрее пересдать?

– А что, опять мочевой подвел? – усмехнулся генерал.

– Нет, трудный билет достался.

– Ты, значит, к нему адвокатом устроился?

– Просто он стеснительный.

– Прямо, красная девица какая-то, а не будущий офицер.

Ну, хорошо, завтра разберемся, иди.

И взяв сына под руку, направился в сторону КПП.

Переэкзаменовку Володе назначили на понедельник. Два

дня ждать его было просто невыносимо. Всеми мыслями Сергей был уже дома, среди друзей и родных. Поэтому, получив отпускной билет, он сразу же рванул на вокзал. Февраль месяц, на железной дороге затишье. Новогодние праздники закончились, а до лета еще далеко. Билеты в кассе продавали свободно. Купив его, с пятидесяти процентной скидкой, как курсант, Серега через час уже ехал на Москву. Затем три часа из Домодедово на Як-40, и он дома! Летя в самолете, Сергей с ностальгией вслушивался в родной окающий говорок пассажиров, Да и сам рейс Москва – Вытегра – Ленинград, возносил небольшой провинциальный городок на уровень мегаполисов. Как говорится: «Мы тоже не лыком шиты!». А дома – «И дым отечества нам сладок и приятен...». Как прав поэт. Дома кажется и воздух чище, хоть ножом нарежь и на хлеб намазывай, и сосны выше и стройнее, и неба такого голубого нигде нет, и холодная синева озер. Как часто все это видел Серега в казарменных снах и вот, эта сказка сбылась, он снова здесь и никаких тревог и подъемов, никаких сержантов. Да, это здорово!

До города добрался на рейсовом автобусе. В дом зашел с черного входа. Постучал в дверь квартиры.

– Сейчас открою, – послышался голос мамы.

Дверь открылась. Перед ним стояла мама, все такая же родная и милая, только чуть прибавилось седины. Она взмахнула руками, сложила их к груди и запричитала;

– Серушенька, милый ты мой, наконец-то, дождалась!

Уткнулась лицом в широкую грудь сына и заплакала.

Сергея обнял маму, погладил по волосам и попытался успокоить:

– Ну, все, хватит, хватит, я дома и это самое главное.

Выскочила Танюшка, младшая сестра, бросилась на шею, расцеловала, тут же рассказывая все последние новости.

Вечером, отдохнув от дороги и приведя в порядок парадную форму, Серега вышел в город, прогуляться и навестить друзей. Он знал, что Юрку Самутичева перевели киномехаником в далекую деревню Ундозеро. Андрюха Шевчук, после кадетки, стал курсантом ЛВОКУ. Валера Филичев уехал к брату в Новокузнецк. Из близких друзей остались в городе Вовка Старков, который учился в Ленинградском речном училище, но должен быть здесь на каникулах и Сашка Гринягин, учащийся местного лесотехнического техникума. К ним он и направился.

Поверх формы накинул гражданскую курточку отца, так как, раздавшись в плечах за последние полгода, уже не смог влезть ни в одну свою.

Вовка был дома. Обнялись по-братски, тут же сгоняли в магазин за водкой. Родители его накрыли стол и все сели выпить и закусить за встречу. После застолья пошли на танцы в клуб Речников. Возле клуба встретили Сашку Гринягина с компанией ребят.

Сзади Серегу сильно ударили по спине.

– А что тут у нас вояки забыли!? – послышался грозный

окрик.

Сергея обернулся. Перед ним стояли братья-близнецы Репины, извечные соперники и драчуны с другого края города. Они были уверены в том, что ни Серега, ни остальные пацаны на конфликт с ними не пойдут, так как на сегодня они с компанией считались «королями» города. Но они не учли того, что прошло полгода. Для них, это как две недели, а для Сереги – значительный отрезок уже взрослой военной жизни. Проведя это время в мужском коллективе, он знал, что прав тот, кто сильней и стоит дать слабину, как тебя превратят в лоха. Первый удар был младшему Репину правой в лоб, от которого тот отлетел метра на два, сломал забор и упал в сугроб. Второй – старшему, головой в нос. Брызнула кровь, и он медленно осел на снег. Такого начала никто не ожидал. На мгновение все замерли. Шурик первым оценил ситуацию и закричал: «Бей, леспромхозовских!». Пошла стенка на стенку. Штакетины от забора мгновенно оказались в руках драчунов. Все перемешалось, только мелькали руки и ноги, слышалось пыхтение и крики соперников. Раздался звук сирены, кто-то вызвал ментов. Пацаны бросились врассыпную, осталась только толпа зевак...

Собрались у Сашки дома. На танцы уже не пошли, все с уважением смотрели на Серегу.

– Ну, ты даешь! Ты где так драться научился?

А Серега вдруг понял – вот он авторитет. До этого же, он был равный среди равных. Просто надо в нужный момент

не смалодушничать, пересилить себя, пусть даже будет очень больно, и принять правильное решение.

Володя приехал через два дня, пересдав успешно экзамен по математике. Вечером забежал за Сергеем, и они пошли прогуляться по городу. После долгой, как им казалось, разлуки с малой Родиной, все вокруг воспринималось как-то глубже и милее. Вспоминались детство и юность, прошедшие в этих дворах и улицах.

Вот с этой горки гоняли пацанами на финских санках.

А по этому замерзшему ручью катались на коньках, подцепив их веревками и палками к валенкам. По весне с ручья вытягивали копиями бревна-топляки, попадавшие сюда от сплава леса по реке. Бревна сушились и шли на дрова.

А здесь, на центральной площади, скоро будет веселый праздник – проводы русской зимы.

– Может, в баню рванем? – прервал приятные воспоминания Володя.

Городская баня является одной из достопримечательностей Вытегры. Построенная в незапамятные времена, топилась исключительно березовыми дровами, вода и камни в печи были с Онежского озера.

– Баня – это святое дело, – ответил Сергей, и друзья пошли домой за бельем и березовыми вениками.

Очереди не было, поэтому сразу же зашли в раздевалку.

– Ну, что отец, пар есть? – спросили они у банщика.

– Есть. Пар хороший, сегодня рано затопили, – ответил дед.

Первый заход пробный – для разогрева. Веники замочены в кипятке, ребята млеют на средней полке. В парной пахнет березой от сохнувших над печкой дров. Дровяной жар, влажный в меру, пробирает до костей, не то, что сухой пар сауны, который только обжигает кожу.

– Ну что, поддать? – слышится голос парильщика сверху.

– Можно, помаленьку. – И первый ковш кипятка летит в жерло духовки на вулканические булыжники. Выхлоп жара вырывается из печи и этого хватает, чтобы парильщики один за другим слетели с полка вниз, остались только самые крепкие деды.

Второй и последующие заходы идут уже с вениками. Кто сам хлопается, а кто – друг друга. Слышны только удары по телу, стоны и вопли: «А ну, поддай еще..., еще...». Все уже поднялись на сам полок. От жара, кажется, кости тают, в голове памороки начинаются, уши трещат и в трубки закручиваются. Руки жжет, а горячий воздух обволакивает все внутренности. Чем себя сильнее хлещешь веником, тем тело просит еще нажать. Самоистязание.

Теперь главное – во время вырваться из этого пекла и бегом под ледяной душ. Затем – в раздевалку на топчан. Именно здесь, с чашкой горячего, крепкого чая в руках, наступает тот момент истины, когда душа и тело отдыхают и находятся в полном согласии.

На утро, решили сходить в лес на лыжах. С городского стадиона идут три круговых лыжни на три, пять и десять километров. Первые две хорошо накатаны, на них проходят уроки физкультуры у школьников, а вот десятка, чуть проваливалась, так как по ней ходят меньше, в основном спортсмены и редкие отдыхающие. Намазанные специальной мазью, лыжи бегут ходко. С кочки на кочку, с горки на горку, сквозь ельник и березняк, укутанные снежным покрывалом и вот мы у цели. Медвежья гора – любимое место зимнего отдыха горожан. Залезть на высокую гору непросто. Где «лесенкой», где «елочкой», где, помогая друг другу палками, в конце концов, достигаешь вершины и с криком: «Лыжню!.. Поберегись!..» – стрелой срываешься вниз. Дух захватывает, поджилки трясутся. Колени чуть согнул, палками притормаживаешь, закусил губу, главное, удержаться на лыжах. А внизу еще трамплин и вот взлет..., а приземление бывает по-разному. Руку, ногу можно подвернуть, лыжу сломать, но обычно, все заканчивалось хорошо, надо только вовремя свернуть и затормозить, чтобы не врезаться в сосны, растущие в конце спуска.

Накатавшись вдоволь с горы, ребята направились в обратный путь. Солнце в зените, белый с синевой снег ярко сверкает тысячами звездочек, легкий морозец приятно щекочет щеки, нос и уши. Пахнет хвоей. Впереди показались две фигуры. Нагнав их, Серега крикнул: «Лыжню!» и пошел на об-

гон, но, поравнявшись с лыжниками, притормозил. Это были две девчонки, с трудом перебирающие ногами.

– Что случилось, горемыки? – спросил он.

– Да вот, крепление сломалось, замерзли все и, вообще, не знаем – куда идти.

– Отставить слезы, красавицы, сейчас все будет «тип-топ»!

Подбежал Володя. Ребята помогли девчатам освободиться от лыж, растерли им руки и носы, заставили их двигаться, а сами занялись ремонтом лыж.

Девчата оказались местными, Ольга и Лариса. Учились в Ленинградском полиграфическом техникуме. Сейчас были на каникулах. Ребята их не знали, так как они учились в другой школе и младше классами. Дальше шли вчетвером. Перед их домом договорились, что вечером встретятся возле клуба.

Так, день за днем, пролетели зимние каникулы. Надо было возвращаться в училище. С девчатами ребята подружились, ходили с ними в кино, встречались на танцах. Гуляли и провожали их вечерами домой. Договорились, что поедут вместе с ними через Ленинград.

Проводы были, как всегда, как на войну. До Ленинграда ехали двенадцать часов автобусом. Там проводили девчат в общежитие на Васильевском острове, а сами на троллейбусе поехали к Серегиным родственникам на Петроградскую

сторону.

До прибытия в училище еще оставалось два дня. Решили провести их в Ленинграде. Днем, пока девчата учились, посещали музеи, смотрели достопримечательности, а после обеда, уже вчетвером, ходили в кино, театры, гуляли по городу. Более близкими отношения так и не стали, может потому, что все мысли у Сергея были о Любаше, с которой он так и не встретился.

4

Начался второй семестр, поползли серые армейские будни, скрашенные редкими увольнениями. Люба писала часто, вернее, старалась отвечать на каждое Серегино письмо, а он писал ежедневно, и эти письма, стали, чуть ли не основной частью его жизни. В них они рассказывали друг другу о том, как прожили очередной день, вспоминали родину и мечтали о возможной скорой встрече. Вообще-то, письма солдату – это очень важная тема и достойна отдельного повествования. Но, то ли звезды не так расположились, то ли судьбой так было уготовлено, но встретиться с Любой не было суждено еще долгие годы.

Первые два года – самые трудные в курсантской жизни, время, когда единственное, что тебе разрешается, – это стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы. Даже те редкие увольнения, которые выпадали, не приносили

облегчения, так как вынужденное шатание по городу в военной форме без наличия вблизи друзей и родных еще больше навевало тоску по дому и вольному житью.

В середине второго курса училище понесло невосполнимую утрату – умер начальник училища, генерал-майор Киселло Юрий Эдуардович. В похоронах принимало участие все училище. Взвод, где учился Юра, сын начальника училища, участвовал непосредственно в погребении. Жалко было Юрку. Все ребята старались его поддержать.

Вспоминается еще несколько вечеров встреч в институтах и техникумах города, но все они были в присутствии, а точнее, под надзором офицеров и проходили скованно, не интересно, по заранее спланированному сценарию. Наверно, все эти ограничения, ущемления, запреты и приводили в дальнейшем к эмоциональным срывам молодых офицеров, выразившимся в беспробудном пьянстве и гулянках. Однако именно в это время воспитывались стойкость, выносливость, терпимость, коллективизм, сила духа, закалялся характер. Это время получения основных знаний высшей школы, время формирования интеллекта, культуры, физического становления. Вот только форма достижения этих результатов была не самой гуманной.

Что сильно «доставало», так это ранние зимние подъемы, когда на улице минус двадцать, а надо бежать по «третьей форме одежды» на зарядку. Тогда плюешь на все и, полагаясь на «авось», в момент выхода роты из казармы на улицу,

улучшив момент, ныряешь в подвал или сушилку, где заби-
ваешься подальше среди труб отопления и не беда, что там
пыльно и грязно, а последствия проступка не предсказуемы,
зато сейчас так тепло и комфортно, а на улице так мерзопак-
костно... На душе становится хорошо и уютно и ты провали-
ваешься в прерванный сон. Похожее было и с баней. Своей
бани у училища не было, мыться водили строем поротно раз
в неделю в другой конец города. Поднимали в два часа но-
чи и сонные «коробки» курсантов мрачно брели по спящему
городу. Летом, еще, куда ни шло, а зимой – это настоящая
пытка, да и какое удовольствие от бани в пять утра? Поэто-
му, отлынивали от нее, кто как мог.

Свободное время в училище с двадцати до двадцати двух
часов, остальное – расписано распорядком дня до минуты.
Подъем, зарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак, заня-
тия до пятнадцати часов. Обед, самоподготовка до девятна-
дцати, политико-воспитательная и спортивно-массовая ра-
бота, чистка оружия, уборка территории. Ужин в двадцать,
в двадцать два тридцать – вечерние прогулка, поверка и от-
бой, – таков официальный день жизни курсанта. В воскресе-
нье до обеда спортивный праздник, после – свободное
время. Данный образ жизни воспитывал в человеке то, что
он чувствовал себя маленьким, но необходимым винтиком
в огромном механизме под названием Советские Вооружен-
ные Силы. Ты сам себе уже не принадлежал, а являлся ча-
стицей коллектива объединенного одной целью – построение

счастливого завтра.

5

Курсантскую службу необходимо разделять по годам, точнее по курсам, вот тогда вырисовывается более правдоподобная картина. Когда Сибирцев учился на втором курсе, командир роты, капитан Свитловский Георгий Васильевич (Жора), сказал ему, что пройдет много лет, и он будет вспоминать это время, как лучшие годы жизни, время настоящей мужской армейской дружбы. Серега же, с юношеским максимализмом, сердито отвечал, что если это лучшие годы, то зачем такая жизнь вообще нужна? И только спустя многие десятилетия, с высоты прожитых лет, он с улыбкой вспоминал эти нелепые, с горяча брошенные слова. Как прав был Георгий Васильевич!

Мысли вновь и вновь возвращаются к началу армейской службы, к тому Рубикону, происшедшему в жизни каждого пацана, посвятившему себя армии. Месяц карантина дается неоперившемуся птенцу для того, чтобы он последний раз смог оценить и принять решение, а нужно ли ему все это? В течение месяца ты еще можешь остаться на гражданке, но после принятия присяги, пути обратно отрезаны. В лучшем случае попадешь в прежнюю жизнь, отслужив два года солдатом в войсках. Ломаются жизненные уклады и ценности. Впервые у тебя есть только обязанности и никаких

прав, ты становишься на первую ступеньку огромной военной иерархической лестницы, имя тебе – рядовой солдат. Целыми днями ты печатаешь шаги, в раздолбанных кирзовых сапогах по раскаленному асфальту строевого плаца до соли на гимнастерке. Бег в противогазах, марш-бросок на десять километров с полной выкладкой, вдалбливание уставов Вооруженных Сил и снова строевая подготовка и так изо дня в день целый месяц. В течение всего этого времени за тобой следит бдительное око сержантов и старшины. Чувствуешь себя буквально под микроскопом.

Сначала это все ошарашивало, хотелось бежать куда – угодно и только обида и злость на то, что ты окажешься слабаком, заставляли сжимать зубы и постепенно, шаг за шагом, пожинать азы военной службы.

Спасала долгожданная ночь, когда полностью без сил падал на армейскую кровать и, не успевая понежиться, проваливался в глубокий сон.

Команда: «Рота, подъем!» – пружиной подбрасывала тебя с постели.

– Сорок пять секунд! – грозно орал сержант. – Время пошло... Раз, два... – И ты, впрыгивая на ходу в брюки и сапоги, несешься в строй.

– Стой! – все замерли. Как правило, в строй кто-то опаздывал.

– Рота, отбой! – Быстро раздеваешься и в кровать.

– Рота, подъем! – И так до десятка раз. Все зависело от на-

строения старшины.

Быстро умыться, быстро заправить постель, на завтрак десять минут, команда: «Встать, выходи строиться!» – и не дай Бог, если ты задержишься за обеденным столом или будешь жевать на ходу.

Кормили в карантине, да и на начальных курсах так, что у многих с того времени появились проблемы с желудком. Суп – вода с картошкой, второе – каша перловая, ячневая или пшеничная с куском вареного небритого свиного сала и компот. Постепенно курсанты отсеивались. Никто их не осуждал, каждый на данном этапе был волен поступать так, как считал нужным.

Первый курс – это время становления мужчины – защитника Родины, это основополагающий курс. От его результатов зависит вся дальнейшая служба офицера. Развивается ум, доводятся до совершенства математические, аналитические, общеобразовательные способности, знание иностранного языка. Идет теоретическое изучение общевойсковых предметов с практической их отработкой в караулах, нарядах и повседневной жизни.

Основные наряды: внутренний и гарнизонный караулы, наряд по роте, по столовой. Реже попадаешь в штаб, на КПП, в гарнизонный патруль. Большею частью «тянешь ляжку» по роте, в карауле и в столовой. В столовой приходилось пахать и за старшие курсы. Исполняли обязанности картофеле-

чистки и посудомоечной машины. Это значит, втроем вручную начистить за ночь две ванны картошки или перемыть посуду и бачки за полутора тысячами курсантов, убрать столы, помыть полы на двух этажах здания, возможно и почистить рыбу. Учитывая трех разовый прием пищи, работы было «мама не горюй!»

Караулы, отдельный вопрос. Это единственное место, где находишься с оружием, в магазинах которого боевые патроны. Первое время, заинструментированный до одурения, стоишь на посту, как будто вышел на тропу войны и уверен в том, что вот за тем углом спрятался враг и ждет момента, когда ты отвлечешься, чтобы совершить диверсию. Тихонько, пригнувшись, крадешься по посту. Надо первым обнаружить его. Автомат в положении на грудь. Бывает, если от ветра где-то что-то загремит, испуганно загоняешь патрон в патронник и прячешься возле «тревожной» кнопки, чтобы успеть сообщить в караульное помещение. Десятки раз прокручиваешь в голове кадры, как ты геройски захватываешь банду нарушителей, и тебя награждают боевым орденом. Из нас действительно растили идейно убежденных защитников Отечества.

Первый курс можно сравнить с зоной общего режима. Жили так же за колючей проволокой. Выхода в город практически не было. Это время жесткой, даже жестокой дисциплины. «Я начальник, – ты дурак, ты начальник, – я ду-

рак», – это про нас. Командир отделения, младший сержант, не говоря о вышестоящем командовании, был для тебя царь и бог, от него зависело твое существование. Захочет, неделями не будешь вылезать из нарядов, запустишь учебу и в результате – прощай училище, здравствуй армия.

Итоги прошедшего дня подводят на вечерней поверке. После переключки, проведенной по книге вечерней поверки, старшина командует: «Замкомвзвода, сделать объявления». Вдоль строя роты слышится: «Курсант Кушаков... курсант Чаплыгин... курсант Какалашвили...». Это сержанты раздают нам «подарки»...

– Курсант Сибирцев! – командует сержант.

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

Два строевых шага вперед и разворот кругом к строю. Чтобы в глаза смотрел своим товарищам и сгорал от стыда и срама за содеянное!

– За неудовлетворительную подготовку к утреннему осмотру объявляю три наряда на службу! – с чувством выполненного долга, торжественно произносит сержант.

– Есть, три наряда на службу!

– Встать в строй!

– Есть!

Четким строевым шагом возвращаешься в строй.

На душе кошки скребут, взгляд потуплен ниц. На полном

серьезе думаешь: «Сегодня ты не подшил свежий подворотничок, а завтра возможно Родину предашь?!»

И не важно, что сержант не имел права на такое взыскание. Все идет от лица старшины, а то и ротного.

Уместно вспомнить и утренний осмотр. На первом курсе он превращается в какую-то экзекуцию.

В семь двадцать дневальный командует: «Рота строится на утренний осмотр!»

Все бегут в строй.

– Равняйся! Смирно! Первая шеренга шаг вперед, шагом марш! Кру-гом! – командует «комод». – Подворотнички к осмотру.

Качество белизны «подшивки» зависит от настроения сержанта. А если он увидит «вшивник» под расстегнутой пуговицей, считай выговор, как минимум, ты уже заработал.

– Правую ногу на носок ставь! – от зоркого ока начальника не ускользнет сбитая подкова и стоптанный скос каблука.

– Выложить все из карманов!

В пилотку складываешь наличность карманов. Их шесть с пистоном, а должно в них быть: военный и комсомольский билеты, расческа и свежий носовой платок. Все! Остальное – конфискат.

Не переживай, что не успел переложить «трояк» в тумбочку, сейчас и их проверят и все изымут. Личные вещи должны храниться в каптерке у старшины! А лучше, когда их вообще нет.

Бляхи к осмотру... Надписи хлоркой на обмундировании... (Излишний наклон букв может подпортить бравый настрой сержанта и тогда...)

Сзади чувствуешь щипок головы. Пальцы отца-командира скользнули по «ежику» и сорвались... Сегодня пронесло, – вздохнул с облегчением, – стричься еще рано.

Блеск сапог... острие стрелок на брюках... длина нитки в иголке, (черной и белой) ... Утренний осмотр продолжается...

Многие будут со мной спорить, но на тот момент был только один выход – смириться и ждать, когда-то это должно закончиться.

Запомнились и интересные моменты. Несколько раз водили в оперу и на балет, в училищном клубе так же давали концерты музыканты и певцы. Девчата из балетных школ учили нас классическим танцам.

Основное время уходило на занятия: лекции, самоподготовки и семинары сменяли друг друга. По напряженности обучения, первый курс перекрывал любой следующий. Каждый день в двадцать один час рассаживались в ленинской комнате для просмотра программы «Время». Это войдет в привычку на всю жизнь.

Выживать помогали письма с родины, особенно письма от девчат. Письма Любаши Сергей зачитывал до дыр, помнил их наизусть. Это была единственная тайная часть его жизни. Любимый почерк, родные обороты речи уносили Се-

регу в уже далекие времена детства и юности, где он был так безмерно счастлив. Сразу же становилось легче и казалось, что пройдет и это.

Запомнилось одно событие, характеризующее, на сколько мы были запуганы и зажаты в тисках военной дисциплины. Как-то летним теплым вечером после отбоя к Сереге подошел Граф (Славка Урин).

– Серый, пойдем, прогуляемся вдоль забора. Так хочется на волю.

Серега уже спал, куда-то идти было просто лень, да он и не понял со сна, куда его зовут. Он отказался.

Тогда Славик, Олег Тыренков (Сын) и еще двое курсантов, предупредив дневального, выскочили из казармы, перелезли через забор и прогулялись по автовокзалу, расположенному возле училища, подышали воздухом свободы и незаметно вернулись в расположение.

Каким то образом об этом узнал комсорг роты, курсант Саня Новиков. Утром он доложил об этом командиру роты. Капитан Свитловский, однозначно, спустил бы это на тормозах, пожурив ребят, но очевидно сам побаивался этого новоявленного Павлика Морозова. Он был вынужден доложить по команде. Что тут началось! Отложили занятия, комсомольские бюро и собрания шли одно за другим. В роли прокурора Вышинского выступал Саня Новиков. Он предложил исключить ребят из училища. Своих братьев, с кото-

рыми еще вчера ел из одного котелка и делил поровну все невзгоды. Ребят, у которых до этого не было ни одного замечания. Благодаря ротному их все же удалось отстоять, ограничились выговором.

А Новиков так до конца обучения и считал себя правым.

6

Второй курс характерен тем, что начинаешь оглядываться по сторонам и замечать, что кроме службы и учебы есть еще другая жизнь. Чуть-чуть спала напряженность в учебной программе. Немного успокоились командиры и начальники, так как случайные люди в армии уже отсеялись, а с остальными придется жить и общаться оставшиеся три года. Да и сама армейская жизнь стала проще и понятней. Уже не так колется иголка при подшивании подворотничка и ремонте обмундирования. Брюки можно погладить не только утюгом, но и расческой или положить на ночь под матрац. Портянки, оказывается, намного удобнее носков, а бляха лучше блестит, если ее смахнуть бархоткой с асидолом. Кровать заправляешь уже на автомате: загиб первой простыни в голове, второй – в ногах, одеяло конвертом по третьей полосе в ногах натянул, загнул, опустил, сверху прошелся табуреткой, и все готово. Минута, вместо положенных десяти. В результате подобных мелочей появилось свободное время, да и как-то плечи расправились, дышать стало легче. Выда-

ли новое полушерстяное обмундирование. Смотрелось оно красивее, качественнее и богаче чем х/б, да и гладить надо реже, стрелки сами держатся. Получили так же новое зимнее нижнее белье с начесом.

Наконец-то они были не самыми младшими, есть уже первый курс. И вот тут у некоторых недалеких второкурсников начался выплескиваться негатив. Они почувствовали себя «дедами». До рукоприкладства, конечно, не доходило, но захотелось покомандовать младшим курсом. Забыли о том, что пару месяцев назад, сами были в их положении. Таких быстро ставили на место курсанты старших курсов.

Заметно возросла интенсивность физической нагрузки. Кросс на три километра бегали в качестве разминки, основное – марш-бросок на десять километров с полной выкладкой: шинель в скатку, вещмешок, автомат, подсумок с четырьмя магазинами, штык-нож, противогаз, ОЗК, саперная лопатка.

На перекладине, наряду с подтягиванием, выходом силой и подносом ног, выполняли подъем переворотом и склепку. На брусьях – стойку на руках и соскок боком. Много внимания уделялось полосе препятствий. Готовились к командному пятиборью.

Сергею с трудом давались силовые упражнения. При росте метр девяносто и весе под центнер, управлять телом непросто. Тем радостней и удовлетворительней себя чувствовал, когда после длительных и изнурительных трени-

ровок, наконец, первый раз самостоятельно сделал подъем переворотом и склепку. Главное, понять и прочувствовать на себе технику выполнения упражнения, а дальше уже дело времени и тренировок. Он с сочувствием смотрел на Цепу (Вовка Цепков), которого при росте в два метра шестнадцать сантиметров, на перекладину поначалу забрасывали два-три человека, зато это был лучший баскетболист училища. Со временем и у него все наладилось. Другого выхода, как выполнять упражнения, хотя бы на тройку, не было. Не сдашь зачет, не поедешь в отпуск. То же самое касалось бега на сто метров, километр, три километра и лыжных гонок, но здесь у Сибирцева все было в норме.

Внеочередные наряды преследовали Серегу, как рок. Стоило заступить дневальным по роте, и можно было неделю не смениться. То ли старшина на него зуб имел, то ли с чьей-то другой подачи, но к концу несения службы, обязательно ловили его на какой-то мелочи. То туалет плохо помыт, то краники в умывальнике не отдраены, то «Машку» (приспособление для натирки полов) не так тягаешь, то подворотничок заметят расстегнутый. Да мало ли возможностей докопаться до бесправного курсанта младшего курса. Снимал старшина с наряда, давал два часа на подготовку и вновь «на ремень».

Первые годы курсанта постоянно преследует желание спать. Спали урывками, где придется: на утренней зарядке, во время бега; в строю, опасаясь выпасть из него; на лекции-

ях и самоподготовках прямо на полу под партами и столами; даже в карауле, на первом посту, охраняя знамя училища. Особенно тяжелыми были предутренние часы с четырех до шести, когда казалось, что если не посплю пять-десять минут, то просто умру. В это время и ловили спящих курсантов на посту и в наряде дежурные службы и ответственные офицеры.

Чаще стали увольнения. Если нет хвостов по учебе и дисциплинарных взысканий, мог раз в неделю, в выходные после обеда, выйти в город.

За время учебы появились близкие товарищи и друзья. Увольнения, как правило, проводили вместе. Несколько раз ездили в гости к Олегу Тыренкову (Сыну) в Дзержинск. Половина свободного времени уходила на дорогу, зато там ждала настоящая домашняя пища. Развлекательных заведений еще не посещали, может быть стеснялись, а может просто не знали, где таковые есть. Ходили в кино, да изредка на танцы. Постоянно смотрели на часы, так как опоздание из увольнения приравнивалось к тягчайшему преступлению.

В городе старались держаться вместе, как стайка пугливых мальков. По наивности казалось, что их немодные короткие стрижки, прямые брюки и неуклюжие длинные шинели ничего, кроме смеха, у девчат вызвать не могут. Мы были уверены, что проигрываем во всем разбитным и модным гражданским парням. Нам и в голову не приходило, что умные и знающие себе цену дальновидные девчата, были совершен-

но другого мнения. На танцах обычно под быструю музыку становились в круг, посередине его клали фуражки, а дальше уже двигались, кто во что горазд. Девчат на медленные танцы приглашать еще стеснялись, не знали о чем с ними говорить, да и с середины танцев надо было уходить в училище, заканчивалось увольнение. Проблема общения с женской половиной общества становилась все острее, в восемнадцать лет природа требовала своего. Появились слухи, что в компот добавляют бром, успокаивающий мужские гормоны.

Каждой роте наделен участок территории для уборки. Четвертой, как самой большой (пять взводов, сто сорок человек), достался строевой плац. Хуже участка не придумаешь. Каждый день, утром и вечером, его скребли и мели. Особенно доставалось в снежные зимы. Сначала сгребали снег большими металлическими скребками и щитами, затем долбили лед до асфальта ломами. Вокруг плаца возвышались горы снега высотой с двухэтажный дом, а если учесть, что плац в длину сто метров и в ширину пятьдесят, то понятно, что «пахать» приходилось неслабо.

Были у нас два брата-близнеца – Биргеры. Запомнилось их странное поведение ночью. Где-то, в час ночи, один из них начинал завывать. Сначала тихо, потом все громче и громче, что-то похожее на сирену. На самой верхней точке он вдруг замолкал и тут же, сменяя его, вступал второй брат. Так, по очереди, могло длиться до самого утра. Что только с ними не делали: будили, обливали водой, на нос прищепки

ставили, даже «велосипеды» (бумагу в пальцах ног поджигали) – ничего не помогало.

Потом плюнули, привыкли и даже, как чего не хватало, если по какой-то причине их не было ночью в казарме. Что это за особенность их организма, так и осталось не известным.

Запомнился такой случай. Однажды Валера Кеслер предложил Сереге Суслову, Саше Крицуку, Мише и Васе Хехневым покрасить слегка волосы в цвет красного дерева, тогда это было модным. Они согласились. Завел их в комнату, где хранились парадки и, намазав головы краской, сказал, чтобы через минут 15—20 смыли эту гадость... Кто-то подбросил идею не смывать до утра, чтобы было покруче. На следующий день, рано утром, мы уходили в баню, которая находилась на площади Ленина. Утром по команде подъем, вся рота увидела ярко-рыжий квартет приятелей. Хохотали до упада. Это даже как-то скрасило такой нелюбимый ранний подъем. В бане, под общий хохот, они пытались отмыть волосы, но ничего не получалось. Самое хреновое то, что все они, четыре дурака, сидели в столовой за одним столом и когда полковник Бахмаров, наш комбат, который частенько присутствовал на завтраке, увидел этот костер из четырех огненно рыжих голов, на мгновение изумился, затем подошел к их столу и просто спокойно сказал, что пока не выцветите и полиняете, в увольнение не пойдете! Это растянулось на полтора месяца, пока не отрасли новые волосы. Вот такая исто-

рия была... вспоминаю с улыбкой на лице!

Одно из распространенных занятий в вечернее время, это чистка и смазка стрелкового оружия. Причем результат подводился не по качеству обслуживания автомата, а по времени отведенному для этого распорядком дня. Ты мог представлять оружие к осмотру хоть каждые пять минут, все равно сержант грязь найдет, и будешь тереть его хоть до дыр. Так что лучше не спеша вольтить положенные сорок минут. В конце, для разминки, устраивали соревнования по разборке – сборке автомата на время. За два года это так приелось, что перекрывали все нормативы. То же самое относилось и к тренажам по защите от оружия массового поражения, которые проводились по средам и пятницам. Отработка нормативов по надеванию и раздеванию общевойскового защитного комплекта (ОЗК) была уже надоевшей рутинной.

К утренним осмотрам готовились с вечера. Каждый день надо пришить подворотничок из нового материала, что ощущалось по очень скромной курсантской стипендии в восемь рублей шестьдесят копеек в месяц. Если прибавить сюда мыло, зубную пасту, асидол, щетки, зубную и сапожную, конверты, стрижку, то и оставалось денег на раз сходить в «чепок». Как-то, пошло воровство хлястиков от шинелей. Куда пропал первый – не известно. Надевая шинель и видя, что на ней нет хлястика, не задумываясь, заимствуешь его у соседа и... пошла цепная реакция. Хлястики начали прятать, делали самодельные. Дошло до того, что пол ро-

ты были без хлястиков. Перекинулось на другие подразделения. Лишь вмешательство командования училища и привлечение швейной мастерской помогло решить проблему. Вот тебе и хлястик!

Так незаметно, день за днем, зачуханные воробышки превращались в ясных соколов.

7

Третий год обучения значительно отличается от первых двух. Перешли Рубикон. На курсанта уже были потрачены большие государственные средства, и отчислить его из училища стало не выгодно. Разве что за совершение резонансного дисциплинарного проступка. Последнего, за неуспеваемость, отчислили Саню Шинкарука. Хороший, безобидный, дисциплинированный, деревенский парень. Пришел из войск, долго тянулся, постоянно пересдавая свои «хвосты», висел на ниточке и все же завалил последнюю сессию.

Сверху пришло распоряжение о создании экспериментальных рот. Образовалось подразделение, в состав которого вошли четыре взвода, причем первый взвод – первый курс, второй взвод – второй курс и так далее. Командиром назначили майора Соболя. Расположили роту на первом этаже казармы. Пятый взвод четвертой роты, в котором обучался Сергей Сибирцев, стал третьим взводом шестой экспериментальной.

Так не хотелось переводиться, тем более с четвертого на первый этаж, ведь все проверяющие и комиссии обычно выше второго этажа не поднимаются.

Единственный плюс в том, что всю черновую и тяжелую работу выполняли два первых взвода.

С какой целью создавались эти роты не понятно. Возможно, чтобы разбить крупные коллективы на более мелкие разных призывов, по принципу разделяй и властвуй, так как к третьему курсу в ротах окончательно образовались сплоченные коллективы со своими лидерами, к мнению которых прислушивалось большинство курсантов. Возможно, это делалось для преемственности, то есть, стиралась грань между годами обучения. В любом случае – эксперимент не удался. Через год роту разгонят, и все вернется на свои места.

Они встретились на танцах в парке им. Ленинского комсомола («Швейцария»). Был сентябрь месяц, но танцы еще шли на летних площадках. В училище пробовали ввести свободный выход в город для старших курсов. Кроме выходных дней, предусматривались увольнения и в будни с семнадцати до девятнадцати. Это давало огромное облегчение в нелегком ратном труде.

На лавке в парке сидели три товарища: Цепя, Хома и Маршал. Присматривались к мимо проходящим девчатам. С кем бы закадрить на танцах?

Мимо продефилировали три высокие блондинки. Но-

ги от ушей, в коротких юбках и высоких белых сапогах на шпильках. Вид сзади был умопомрачительный.

– Вот то, что надо. И рост наш, – сказал Цепа.

На танцах они встали возле девчат и с первыми звуками музыки пошли их приглашать. Получилось так, что Сергею досталась самая красивая из них – Валентина. Худенькая, длинноволосая блондинка с карими глазами и греческим профилем. Разговор, как-то не клеился. Серега робел и, после танца, вернув Валентину на место, отошел к ребятам.

Цепа, самый раскованный из них, подвел итоги:

– Симпатичные девчата и, главное, подруги, все время будем вместе, надо «клеить».

Оставшееся время танцевали компанией и от девчат не отходили. Редкие попытки других пацанов пригласить их на танец, натывались на суровые взгляды троих «Гулливеров» и готовность их к решительному отпору. Судьбу свою испытать так никто и не решился.

Девчатам ребята, по всей видимости, понравились, и они согласились на предложение проводить их домой. Уходили с танцев задолго до их окончания, так как срок увольнения у курсантов ограничен. Положительную роль сыграло и то, что жили они в двадцати минутах ходьбы от училища.

Остановились возле трамвайной остановки.

– Дальше провожать не надо, мы сами. А вам – две остановки на трамвае, и вы возле училища. Встретимся через

неделю на танцах, пока, – и девчата юркнули в арку пятиэтажки.

Одухотворенные и в приподнятом настроении, не став ждать трамвая, друзья быстрым шагом возвратились в училище.

– Ну, как девчата? А? – спросил Цепя. – Кровь с молоком, да?

– Мне Валентина очень понравилась, – ответил Серега.

– Еще бы, она из всех, самая красивая. Может, поменяемся?

– Ну, уж нет. Как получилось, так пусть и будет.

– Впрочем, Тоня тоже симпатичная, веселая девчонка.

– А ты, что молчишь? – повернулись к Хоме.

– Да, так. Ну, в общем, нормальные девчата, – сказал он как-то неуверенно.

Видно было, что Наташа ему не очень понравилась.

– Ты смотри, не вздумай разбить нашу компанию. Нормальная Наташка девчонка и нечего тут нос воротить, – предупредил его Серега.

Последующую учебную неделю все старались провести без замечаний. Грызли гранит науки, чтобы не получить «пару». Это означало бы неделю неувольнений.

Вот наконец-то долгожданная суббота и ребята вновь втроем пошли на танцы. Так как гражданкой еще не разжились, да и переодеться было негде, пришлось идти в фор-

ме.

Девчата были уже там. Встретили их, как старых друзей. Весь вечер танцевали вместе, шутили, «подкалывали» друг друга, смеялись. В середине танцев они уже сами обратили внимание на время, чтобы ребята не опоздали из увольнения.

Домой девчат провожали по парам, в прямой видимости друг друга. Валентина рассказала, что они три подруги, живут рядом и, после окончания школы, работают лаборантками на заводе «Орбита».

Остановились возле двухэтажного дома старой постройки.

– Вот здесь я живу.

– А в какое время ты приходишь с работы? – спросил Сергей.

– В шесть обычно.

– Завтра, в половину восьмого, я буду здесь. Выйдешь?

– Хорошо, выйду.

– Ну, все, пока, я побежал. – И Сергей пустился догонять ушедших вперед ребят.

В эти дни свободный выход был временно прикрыт, пришлось идти в самоволку. Этот вопрос был так же отработан. Пошли втроем после ужина. На КПП дежурил второй курс и, естественно, вопросов к старшекурсникам у них не возникло. Другое дело – проходящие офицеры. В тридцати метрах

от КПП стояла телефонная будка. Звонить из нее запрещалось, так как это уже за территорией училища, но в исключительных случаях, можно было договориться. Дальше следовал бросок через дорогу, и ребята скрывались во дворах. Через десять минут выходили с трамвая возле Тониного дома.

Сегодня Цепя предупредил, что родителей у Тони не будет и можно расслабиться. В дом он зашел один, но тут же вернулся и позвал ребят. Это была обыкновенная коммуналка, в одной из комнат которой, за неплохо сервированным столом, сидели девчата.

– Что за праздник? – спросил Цепя.

– Подведение итогов официального знакомства, – ответила Тоня.

Выключили верхний свет, включили музыку. Обстановка была довольно интимная и Серега в танце все ближе прижимал Валу, трогая головой ее волосы. Затем взял за руку и утащил в коридор. Там сели на подоконник, и он неумело ткнулся губами сначала в щеку, затем в ухо. И вдруг Валентина сама накрыла его губы жарким поцелуем. В голове все поплыло, хотелось только одного, чтобы это блаженство никогда не кончалось.

Время неумолимо бежало.

– Где вы там потерялись? – донеслось из комнаты. Давайте к нам, будем играть в бутылочку.

Пришлось вернуться. Весь вечер они смотрели друг на друга сияющими от счастья глазами, улыбались. Казалось,

что между ними зародилось что-то тайное, касающееся только их. Весь мир разделился в этот момент на до, и после встречи.

Они виделись почти каждый вечер. Валюша пригласила Сергея домой, где он познакомился с ее мамой и старшим братом, только что вернувшимся из армии.

Однако, компания их все чаще стала распадаться. Хома с Наташей так и не нашли общего языка, и она вдруг быстро засобиралась замуж за парня с которым раньше встречалась. Цепя с Тоней, можно сказать, жили вместе. Шли разговоры о скорой свадьбе, но, в конце концов, и у них, что-то не срослось. Сергей и Валюша продолжали встречаться, им было хорошо вместе. Ходили на танцы, в кино, просто гуляли.

Подошло время новогодних праздников. В этот год командование решило дать большой костюмированный бал в спортзале училища. Вход на территорию училища в этот день был для всех свободным.

Серегу выбрали Дедом Морозом, так как в то время он был одним из неформальных лидеров училища. К нему обращались курсанты со всеми спорными вопросами, он организовывал представления созданного им драмкружка. Собрал команду КВН, участвовал в хоре и был впереди всех задуманных дел. Была даже организация, в которой Сергей являлся куратором, а у него были замы, командиры десятков

и сотен. Проходили собрания, конференции и сборы. Все это протоколировалось. Очевидно, это были первые ростки самоуправления и демократии, основанной на централизме. Командование знало об этом и относилось, как к очередным шалостям великовозрастных юнцов. Но были и такие офицеры, которые сердито уверяли, что при Сталине их давно бы разогнали и арестовали. Однако, время действительно было уже другое и организация существовала.

Дедом Морозом Сергей бывал не раз и в школе. Однажды произошел даже анекдотичный случай. Валентина Егоровна Оленичева, их классный руководитель, вчерашняя студентка, попросила Серегу провести утренники в младших классах в роли Деда Мороза вместо нее. Серега согласился, переделся в необходимый костюм и шел по коридору школы в зал, где стояла елка и веселилась детвора. На встречу шла завуч школы Татьяна Федоровна. То ли она решила подшутить, то ли молодость вспомнила, но уверенная в том, что перед ней переодетая Валентина Егоровна, с возгласом:

– А что у нас там есть? – засунула руку под кафтан между ног Сергею!

А там было...!

От неожиданности у завуча раскрылся рот, глаза на лоб полезли, она схватилась за сердце и с криком бросилась прочь.

Серега на минуту тоже стушевался, но, собравшись, прошел в зал и отыграл представление. Завуч на елку так и не за-

шла.

Перед праздниками всю роту собрали на инструктаж. Командир роты предупредил, что в новогоднюю ночь он будет ответственным и под утро всех посчитает в кроватях по ногам и, не дай бог, кто окажется в этот момент не в постели.

На праздники многие ждали приезда родственников и друзей. В этом случае отпускали в увольнение до двух суток. Остальные же ходили на общих основаниях по графику свободного выхода. Серега сидел в казарме, он получил месяц неувольнений. А дело было так.

За неделю до этого, в воскресенье, его друг, Мишка Стрелков, возвратился из города весь побитый. Избили его пьяные гражданские на танцах в Доме офицеров, а находившиеся там же курсанты зенитного училища, даже не вмешались в драку.

Серега стоял дежурным по роте, решение принял молниеносно. По десяткам и сотням разошлась команда «Тревога» и оставшиеся в училище курсанты, перепрыгнув через забор, рванули к гарнизонному Дому офицеров. Часть курсантов выстроились в две шеренги возле входа, а часть ворвались внутрь здания. Девчат не трогали, а всех пацанов выкидывали на улицу, где их прогоняли через строй ударами курсантских ремней. Пока администрация сообразила, в чем дело, пока вызвали милицию и комендатуру, курсанты так же быстро растворились. Через час все были в учили-

ще, как будто ничего не произошло. Три дня шло расследование данного инцидента, но то ли следователи не проявили должного усердия, то ли руководству надо было замять этот случай, но вскоре все завершилось, а возможные участники этой драки получили дисциплинарные взыскания, среди них был и Сибирцев.

Тридцать первого, после праздничного ужина в курсантской столовой, все пошли на бал. В спортзале яблоку негде было упасть. Девчат пригласили со всего города. Сергей был задействован во многих представлениях, поэтому крутился, как волчок. После концерта переоделся в Деда Мороза, зашел за снегурочкой, Людой, двадцати семи летней лаборанткой с кафедры Линейных сооружений связи, и направились в зал веселить народ.

В разгар праздника подошла Валюша.

– Дед Мороз, а можно с вами потанцевать? – И не слушая ответа, закружилась с ним в вальсе. Кругом горели бенгальские огни, сверкала гирляндами елка, разлеталось конфетти из хлопушек.

– Дед Мороз, а можно вас похитить? – шептала жарко в ухо Валюша и начала постепенно продвигаться к выходу. Там их ждали Цепя, Хома, Тоня и Наташа.

– Ребята, поехали к нам, встретим Новый год? – предложила Наташа.

Предложение было принято, но если ребята были в свободном выходе, то Сергей уйти не мог, да и как пропасть Де-

ду Морозу в разгар праздника? Но, положившись на «авось» и уступая пожеланиям девчат, компания через забор полезла в город.

Ехали на трамвае. Редкие пассажиры с удовольствием общались с Дедом Морозом. Кондуктор даже пропустила остановку, чтобы подвезти компанию ближе к дому.

Гуляли в частном доме, где жила бабушка Наташи. Девчата заранее накрыли стол. Время подходило к двенадцати. Открыли шампанское, выпили за старый год, год их встречи. Пожелали друг другу всего хорошего в наступающем новом 1974 году. Пробили куранты, начались танцы. Девчата так раскрепостились, что стали оголяться в быстрых танцах. Сергей утянул Валу на улицу, где она обвила руками его шею и они забылись в страстном поцелуе.

– Сереж, пойдем ко мне домой, я сегодня одна. Пусть эта ночь будет наша, – страстно шептала Валя.

После этих слов Серега был готов на все, но здравый смысл все-таки останавливал его.

– Дорогая моя, я сегодня не могу. Ночью в казарме будет проверка личного состава и, если я попадусь, меня просто выгонят из училища.

– Сереж, ты что, не понимаешь, как мне трудно было тебе это сказать? Почему ребята остаются с девчатами, а ты должен уйти?

– Так сложились обстоятельства. Ты же знаешь, что у меня месяц неувольнений и за мной постоянный контроль. Не мо-

гу я, мне надо идти.

Валюша фыркнула, хлопнула дверью и забежала в дом.

Вышел Хома:

– Ну, ты чего, Маршал? Валя чего-то плачет.

– А, ладно, разберемся. Ты остаешься?

– Нет, у меня увольнение на сутки. Пойду домой, поздравлю родителей (Саня единственный из троих был местным).

– Пошли вместе, мне пора в училище.

В училище праздник уже закончился, расходились последние гости, а в два часа ночи вдруг объявили общую проверку. Вовремя Серега вернулся, иначе быть бы большим неприятностям.

На следующий день после завтрака Серега опять пошел в самоволку к Вале, предупредив друзей, чтобы прикрыли его. Валентина была одна, но встретила Сергея как-то не очень радостно. Она еще спала, сославшись на головную боль. Сергей сел на кровать, взял ее руку, наклонился к уху и зашептал о том, какая она красивая, умная и хорошая. Затем прилег рядом, обнял ее. Что делать дальше Серега не знал, вернее, знал, природа подсказывала, но была какая-то черта, которую он просто так переступить не мог. Ну не было у него еще опыта интимных отношений с женщиной. Валя вдруг быстро встала и убежала одеваться в другую комнату. В дверь постучали, это пришли Володя с Тоней.

– Ты что, не уходил? – спросил Цепя Серегу.

– Нет, я только что из училища, там ночью была проверка,

но все прошло нормально.

Вышли на улицу.

– У вас скоро каникулы, ты домой поедешь? – спросила Валя.

– Да, конечно домой, но сначала надо сессию сдать.

– А ты обо мне родителям говорил?

– Нет, пока как-то не получалось, а в письме не хотел.

– Думаю, что в этом отпуске, ты все-таки им расскажешь о наших отношениях.

Сергея понял, что пора принимать решение.

Шло время. Приближался День Победы. Серегу вызвал командир роты:

– Сибирцев, ты у нас отвечаешь за культурно-массовый сектор?

– Так точно, товарищ капитан!

– В училище намечается большой конкурсный концерт. Что мы можем показать?

Сергей задумался.

– Можем КВН организовать. Можем выступить с литературно-музыкальной композицией, уже есть наработки. ВИА наш выступит.

– Ну, с КВНом подождем. А вот композиция – это хорошо. Успеешь?

– Если надо, успеем.

– Какая помощь нужна?

– Освободить участников от хозяйственных работ и нарядов. Неплохо бы пригласить девчат из музыкального училища. Надо договориться с аппаратурой в университете, с костюмами в театре.

– Понятно. Набросай предложения в письменном виде. Увольнительные возьмешь у старшины, и... дерзай. Срок – неделя!

Закипела работа. Желających «шлангануть» от службы и лишний раз побывать в городе нашлось немало.

Сибирцев отобрал ребят, распределил обязанности. После обеда собирались в клубе училища и усиленно готовились к конкурсной программе.

Накануне концерта произошел случай, который чуть его не сорвал.

В очередной раз училище вели в оперный театр. Давали «Летучую мышь». Курсантов интересовало не столько само представление, сколько театральный буфет. Там всегда были вкусные заварные пирожные и лимонад. Втихаря, можно расслабиться коньячком.

Первое отделение прошло спокойно. В антракте толпы курсантов кинулись в буфет.

– Может, выйдем в парк? Там есть кафе. Спокойно посидим. – Предложил Мишка Стрелков. Его поддержали Славка Урин и Серега Петухов.

В кафе было свободно, лишь за двумя столиками сидели мужики и пили пиво. Взяв пельменей, салатов, пива и бу-

тылку «Волжского» ребята принялись за трапезу.

На второе отделение решили не идти. Взяли еще вина. Когда засобирались на выход, в кафе вдруг зашел патруль. Обстановка обострилась.

– Выходим на улицу и разбегаемся, – скомандовал Серега.

В парке они бросились врассыпную. Сибирцев рванул в ближайший проходной двор. Сзади слышался топот патрульных. То ли так темно было, то ли с перепугу, но Сергей не заметил впереди целой девятиэтажки и «со всей дури» врезался головой в ее угол. Упал. Над ним прогрехотали «кирзачи» патрульных. Поднялся. Голова гудела. По лицу расплывалось что-то липкое. В таком состоянии возвращаться в театр бессмысленно. Опасаясь патруля, на остановку не пошел. Отряхнув форму и утершись носовым платком, направился в училище пешком. В казарму зашел в тот момент, когда рота строилась на вечернюю поверку. Заскочил в умывальник, привел себя в относительный порядок, глянул в зеркало – все лицо было в ссадинах. Но, что делать? Встал в строй, во вторую шеренгу, спрятался. Ребята все были на месте, добрались без приключений.

После отбоя обсудили итоги вылазки в кафе. Спасло их то, что патруль куда-то пропал, а на выходе из театра не проверили наличие личного состава.

Правда, утром Сергея остановил ротный:

– Сибирцев, а что у тебя с лицом? На кулак упал или «ас-

фальтовая болезнь»?

– Никак нет, товарищ капитан. Это имидж такой. Готовимся к постановке композиции.

– Ну, готовься, готовься... Посмотрим на результаты...

А результаты были отличными. Курсанты читали стихи о войне. Затем шла композиция. На фоне идущих по экрану документальных кадров и музыкальной фонограммы, курсанты и приглашенные девчата из музыкального училища, переодетые в арендованные у театра костюмы, играли сценки из боевого прошлого наших отцов и дедов, в постановке несостоявшегося режиссера Сереги Сибирцева. В заключении выступил ВИА. Было здорово! Рота заняла первое место! Участников наградили грамотами и подарками, а Сибирцева, Георгий Васильевич, «забыл» наказать.

Кстати, были случаи, когда Сибирцев тоже помогал командиром роты. Однажды ночью его поднял дневальный:

– Серега, звонил ротный и сказал, что ждет тебя на площади Горького в телефонной будке...!?

– А, сколько время?

– Два часа.

– Понятно. Иди.

Сибирцев поднял Юрку Киселло, Цепу и, перепрыгнув через забор, они побежали в город. Обошли всю площадь и лишь в третьей будке нашли на полу мирно спящего Георгия Васильевича. Подхватили его на руки и понесли домой.

Жена еще не спала.

– Где вы его нашли? – строго спросила она.

– Сидел на скамейке, на площади Горького.

– Ясно. Ему позавчера «майора» дали. Вот третий день и празднует. Спасибо, ребята, что помогли.

В дальнейшем, естественно, об этом случае никто даже не заикался, как будто ничего и не было.

Начало третьего курса для Сергея Сибирцева было омрачено тем, что при следовании домой на летние каникулы, у него в Москве на Казанском вокзале украли сумку с вещами, деньгами и документами.

В поезде перед Москвой он переделся в гражданку, чтобы в городе не цеплялся военный патруль. До следующего поезда еще было часа три и он, взяв билет, стоял возле входа в вокзал. К нему подошел какой-то грязный похмельный мужик и стал жаловаться на жизнь. Узнав, что Серега курсант и едет домой в отпуск, попросил у него рубль, а затем пригласил в магазин. Серега, по простоте своей и молодости, согласился. Там взяли вина и сели на детской площадке, подошли друзья мужика.

В общем, все получилось до банальности просто – обыкновенный развод. Выпили, пошли к кому-то. Один из них зашел в дом, затем высунулся из какой-то форточки и крикнул, чтобы кто-нибудь поднялся к нему. Пошел, почему-то Сергей, отдав подержать сумку другому мужику. Лишь на лест-

нице он понял, что не знает в какую квартиру заходить. Спустился вниз, но уже ни мужика, ни сумки там не было. Глупее не придумаешь, обидно было до слез. Пошел на вокзал в дорожную милицию, но там чуть самого не забрали, так как был выпивши. Хорошо, что железнодорожный и военный билеты были в кармане, а вот форма, подарки родным, все деньги – пятьдесят рублей и комсомольский билет, остались в сумке.

Поездом проехал до Петрозаводска и в самых расстроенных чувствах, без копейки денег, наведаясь к тетке. Уже и отпуск не отпуск, все мысли о том, что будет в училище? Ну, форму он с помощью друзей восстановит, деньги и все остальное – бог с ним, а вот потеря комсомольского билета, это очень серьезно. И вдруг придет сообщение из милиции?

Заняв у тетки десять рублей на билет, Серега на «Комете» через Онежское озеро добрался до Вытегры. Маме сказал, что сумку оставил в Москве в камере хранения, так как забыл код. Заберет ее на обратном пути.

По приезде в училище, после отпуска, некоторое время пропажу комсомольского билета скрывал. Однако, надо было ставить в нем штампы об уплате членских взносов и комс-орг Саня Новиков добил его. Узнав о пропаже, раздул такое дело, что Серегу чуть из комсомола не выгнали, а соответственно и из училища. Помог, как обычно, любимый ротный, Жора Свитловский. Ограничились строгим выговором. Трудно понять таких людей, как Саня.

Общеобразовательные предметы закончились, шли специальные и военные дисциплины. Большое внимание уделялось практической работе на средствах связи. Заметно улучшилось питание в курсантской столовой. Больше стала пайка масла и сахара, появились вареные яйца. Серега из-за роста получал полторы пайки. Подняли стипендию – десять во семьдесят. Стали чаще ходить в чайную, да и младшие курсы добровольно – принудительно делились в «чепке».

Начались курсантские свадьбы. Первым женился Юрка Шикалов. На свадьбе был весь взвод. Перед торжеством всех так заинструктировали, что на свадьбу и с нее шли строем под командой сержанта Чемоданова Вити, а в кафе вели себя очень скромно, ограничившись поздравлением и одним бокалом шампанского. Доверие и добро командования получены и, как говорится, лиха беда начало, на следующих свадьбах уже гуляли «на всю ивановскую», однако эксцессов и происшествий не было, так как все знали характеры и возможное поведение друг друга и при необходимости во время приходили на помощь.

Третий год обучения запомнился разгулом стихии. Сначала произошел оползень земли со склона, на вершине которого стояло училище, высотой более ста метров, а затем, пронесся смерч над центральной частью города. Сергей видел последствия оползня. Огромная многометровая масса земли наглухо перекрыла важнейшую магистраль города через

реку Оку, перевернув при этом несколько легковых машин и трамвай. Жертв, к счастью не было. В это время со стороны Сормово по мосту неслась «Волга», а за ней две машины ГАИ. Не заметив из-за поворота обвала, она на скорости врезалась в стену земли и остановилась. Водитель выскочил и побежал в гору, но его быстро настигли менты и задержали. Вот так стихия остановила угонщика.

Завалы разбирали месяца два, в ликвидации стихии принимало участие все училище.

Через некоторое время над городом пронесся смерч. Сергей в этот день был в гостях у товарища и подумал, что у него глюки начались, когда увидел в окно второго этажа пролетающую на дереве женщину. Смерч принес значительный ущерб, были жертвы. Много снесло крыш домов. Разнесло вещевой склад училища и долго еще на электрических проводах вокруг него висели портянки и кальсоны. У одного из офицеров подняло металлический гараж, выкинуло из него и буквально размазало об угол дома новый «Жигуль», а гараж поставило на место, да так, что утром хозяин ничего не заметил, пока не открыл его. Машины не было. Все, что от нее осталось, груда металла, лежало неподалеку.

К концу шестого семестра выровнялись отношения между курсантами и сержантами, в общении перешли на «ты». Курсанты старших курсов ходили дежурными, дневальные были от младших курсов. В караулы заступали часто, но они

как-то уже были не в тягость, за исключением первого поста. Все стремились на самый дальний четвертый пост в автопарк, где можно расслабиться, посидеть в затишке, предавшись мечтам о будущей жизни. Спать тоже меньше хотелось, не смотря на то, что после отбоя, за разговорами, засиживались до утра.

Однажды в карауле произошел довольно серьезный случай, заставивший задуматься о том, что они имеют дело с боевым оружием. Как-то под утро, сменившись с постов, смена разряжала оружие у пулеулавливателя. Сергей отомкнул магазин, тот упал. Нагнулся, чтобы его поднять и в это время над ним, на уровне груди, прогрехотала очередь из автомата. Ну, как тут не поверишь в судьбу? Если бы не упал магазин, если бы он не нагнулся, наверное, на этом бы для него все и закончилось. Получилось это из-за того, что рядом разряжавший оружие Вовка Микрюков в полудреме перепутал последовательность действий и вместо того, чтобы сначала отстегнуть магазин, передернул затвор и нажал на спусковой крючок, непроизвольно развернув ствол в сторону Сергея. Первое мгновение был шок, затем прибежал начальник караула и, увидев, что все живы – здоровы, успокоился и дело замяли.

На старших курсах, одним из лучших считался наряд по столовой. Для мытья полов, посуды и чистки картошки привлекали по вечерам младшие курсы, а сами жарили картошку, иногда с мясом, болтали с поварами и официантками.

Если видели, что молодежь не справляется, отправляли ее спать и брались за дело сами. Никакого принуждения, а тем более зуботычин, не было. Просто каждый знал свое дело и возможности, да и молодежь сама довольно часто обращалась к старшим за помощью.

Как-то, заступив дежурным по штабу училища и принимая вечером под охрану кабинеты, Сергей заглянул на коммутатор. Там работала молодая симпатичная телефонистка. Сделав ей пару рядовых комплиментов, он получил приглашение на чай. Так завязались их дружеские отношения. На лице Лены было написано, что она хочет замуж. Всячески обхаживая Серегу, она постоянно приглашала его заходить в гости. Сибирцев же, несмотря на свою внешнюю разухабистость, внутри все еще оставался мальчиком и Лену воспринимал только как интересную собеседницу, с которой можно было убить время.

Иногда он рисковал. Коммутатор располагался на втором этаже, а на первом был первый пост по охране знамени части. Парадокс – несмотря на то, что командование считало курсанта Сибирцева ярым нарушителем воинской дисциплины, знамя училища доверяло только ему. Серега правдами и неправдами пытался улизнуть от такого «доверия», но ничего не получалось. Он вновь и вновь был вынужден долбить службу, вытянувшись в парадной форме возле знамени, под круглосуточным ослепляющим светом мощных ламп. И вот, с появлением Лены, он решил разнообразить

службу. Поздно вечером, когда в штабе наступала тишина, Сергей вызывал дежурного по штабу, вешал на него свой автомат, а сам шел к Ленке чай пить. Бывало, в это время, в штаб заходили проверяющие. Но, видя в конце длинного коридора часового у Знамени части бдительно несущего службу, удовлетворившись и не заметив подвоха, удалялись.

В будни, время свободного выхода в город по вечерам было всего часа два – три, поэтому обычно направлялись в кино, городскую библиотеку или баню. А вот в выходные, шли к кому-то из местных курсантов домой. Там переодевались в гражданку и сидели в кафе или пельменной. Пили пиво, с расчетом, чтобы к концу увольнения не было запаха. Затем, шли на танцы в Дом учителя, Дом медика или Дом офицеров. Летом, как правило, отдыхали в парке Кулибина или им. Ленинского комсомола («Швейцария»).

8

Обучение в училище медленно, но верно, шло к завершению. Время на учебу уделялось значительно меньше, так как дисциплины шли в основном специальные, не очень сложные.

Научились сдавать экзамены и зачеты без подготовки.

Накануне испытаний ребята приходили на кафедру и готовили аудиторию: под столами вбивали гвозди в пол, от которых протягивали провода в соседние классы. Экзамен про-

ходил примерно так. Курсант заходил в класс, брал билет, садился за стол и ставил ногу в сапоге так, чтобы металлическая подкова на каблуке соединилась с гвоздем и замкнулась цепь. От подковы шел провод на наушник, спрятанный в погоне. Второй конец провода шел в соседний класс через тестер и усилитель на микрофон. Опуская пятку, замыкалась цепь, отклоняя стрелку на приборе и было видно, что сдающий экзамен готов к работе. Его, например, спрашивали в микрофон:

– У тебя билет в первом десятке? – стрелка оставалась на месте.

– У тебя билет во втором десятке? – курсант поднимал пятку, стрелка падала.

– Понятно!

Таким образом, находился номер билета и затем, оставалось только прослушать в наушник ответы. Своеобразная односторонняя связь.

Такая сдача экзаменов ни разу не подводила, хотя пользовались ею Сергей с друзьями крайне редко. Подготовку аудитории вели скорее для самоуспокоения, чтобы подтянуть отстающих курсантов и поднять средний балл взвода и роты.

Хитрили и по физической подготовке. Каждое воскресенье, несмотря на время года и погоду, проводились кроссы на три километра в расположенном вблизи парке «Швейцария». Если не уложишься в норматив, – на ближайшие выходные об увольнении можешь забыть. Выполнить же его

можно было лишь полностью выложившись, на пределе человеческих возможностей. С каждым годом нормативы становились все жестче.

Как же их выполнить с наименьшим напряжением? Придумали. Беговой маршрут проходил по лесной зоне. Через метров триста после старта, в кустах, прятали второкурсников. Команда: «На старт! Внимание! Марш!» И мы рвали «... на три тысячи, как на пятьсот». Главное – добежать до кустов. Там накидывали свои номера на «молодых» и падали в траву. Те бежали дальше, отмечались на контрольных точках и возвращались обратно. В кустах вновь менялись нагрудными номерами и, с улыбками победителей, лихо заканчивали дистанцию. Особо не нагтели, укладывались в средние нормативы. Подобное практиковали и зимой на лыжных десяти километровых гонках. Правда, перед «госами», эту хитрость командование разгадало и трассу сделали прямой, без разворота. Разделили «старт» и «финиш». Пришлось «умирать» самим.

После возвращения с очередных каникул Сергей встретился с Валею. Не ответив на поцелуй, она спросила:

– Ты разговаривал обо мне с родителями?

– Нет.

– Почему?

– Валюша, ну подожди еще немного, дай мне закончить училище. А то, что за жизнь у нас будет – ты дома, я в ка-

зарме?

С этого дня их отношения разладились. Валя начала избегать встреч, а вскоре ему сказали, что видели ее неоднократно с молодым человеком. Для Сергея это был удар. Он очень переживал и искал встреч. Ведь он ее любил!

Однажды, Сергей вернулся из самоволки после безрезультатных поисков Валентины. Дневальный предупредил, что его уже давно ищет командир взвода.

– Товарищ курсант, где вы были? – спросил он.

– На КПП, товарищ старший лейтенант.

– Не были вы на КПП, как и в другом месте на территории училища, вас уже три часа ищут.

– Я был на КПП, ко мне девчонка приходила.

– Кто вас видел?

– Никто.

– Понятно. А где вы выпили?

Это уже было слишком и Серега «завелся». Закончилось тем, что Голиков объявил ему трое суток ареста и приказал дежурному по роте сопроводить Сибирцева в камеру при караульном помещении.

В карауле стоял второй курс, начальником – сержант с четвертого курса. Сергея все они знали, и закрывать в камеру, конечно, не стали. Перед вечерней поверкой в караулку прибежали Цепя, Лысый (Лешка Рубанов) и Чапа (Колька Чаплыгин). Они только что вернулись из увольнения. Узнав, в чем дело, решили поднять роту и бастовать, пока Серегу

не выпустят.

Четвертую роту поддержали девятая и первая, три роты не вышли на вечернюю поверку, выдвинув требование – свободу Сергею Сибирцеву! Для семидесятих годов, это довольно серьезный поступок.

Дежурный по училищу принял решение переместить Сибирцева из училища в город на гарнизонную гауптвахту. И вот уже караульные с оружием сопровождают Сергея в Нижегородский кремль, бывшую тюрьму, где в свое время сидели видные большевики. Потянулись дни ареста. В гарнизонном карауле стояли в основном солдаты внутренних войск, которые, мягко говоря, недолюбливали курсантов, как будущих офицеров. Сергею приходилось выполнять самую грязную и тяжелую работу. Шесть часов в день строевой подготовки, шесть часов сна при электрическом свете на деревянных нарах, кормили кашей с хлебом и кипятком. Скрипя зубами, Серега терпел. За надуманные провинности ему постоянно добавляли срок. В общей сложности он получил максимальные пятнадцать суток.

На второй неделе отсидки в караул заступило родное училище. Серегу встретили, как героя. Выпустили из камеры, вкусно накормили. Он принял душ, и целые сутки общался с товарищами. Приехали друзья, рассказали о дальнейших событиях в училище. После того, как Серегу увезли на гарнизонную гауптвахту, дежурный по училищу прибежал в казарму и начал выгонять курсантов на плац для проведения

общей вечерней поверки. Однако три роты отказались выходить. Тогда он вызвал командиров рот и комбата, но и после этого на плац вышли лишь сержанты и комсомольские активисты. Наконец, прибыл начальник училища, дал слово, что лично разберется в данном инциденте и виновных накажет. Лишь тогда роты вышли на плац.

Сергея до глубины души был польщен такой поддержкой друзей, аж слеза накатила. Но он знал, что случись подобное с любым из них, он поступил бы точно так же.

– Маршал, так что у вас там все-таки получилось? А то, Голиков такое несет! Будто бы ты бросил в него табуретку. Кричал: «Убью!» – поинтересовался Юрка Киселло.

– Да не было ничего такого. Ну, послал я его на х...и все. Он уже задолбал меня своей слезкой. Явно хочет, чтобы меня выгнали из училища.

– Серый, тебе сейчас надо успокоится и временно затихнуть. И не возмущайся, я тебе, как другу советую. Голикова и так хотят в войска выкинуть, а тут еще ты. Он пойдет ва-банк.

После «губы» Серегу пригласили на партийное бюро училища, хоть и был он только комсомольцем. Там его пожурили, объявили выговор, а вот командир взвода получил строгое партийное взыскание, за что затаил на Сибирцева злобу и, в конце концов, отыгрался при получении Сергеем назначения к первому офицерскому месту службы.

Наступило время войсковой стажировки. Так как специализация училища – крупные стационарные узлы связи (от армейского и выше), то курсантов разбросали по всему Союзу. Сибирцев в составе своего отделения попал на узел связи штаба Средне-Азиатского военного округа в город Алма-Ата.

Получив сухие пайки на неделю и стипендии, убыли поездом на Свердловск. Ночь гуляли по столице Урала, было сыро и холодно, город показался темным и мрачным с большими, старыми коробками домов. К утру выехали на юг. Сначала шли невысокие уральские горы, леса, затем равнины и степи, за окном значительно потеплело. Долго стояли на станции Ош. Вокруг пыль, песок, казахи в национальных одеждах, да юрты с привязанными возле них ишаками.

Штаб округа располагался на окраине города у подножия красивейших высоких гор Ала-Тау, вершины которых были покрыты снегом. В ясную солнечную погоду не возможно глаз оторвать от такой красоты. Жили в казарме. Курсовые работы составляли большей частью теоретически, так как на действующий узел связи практикантов старались не допускать во избежание непредвиденных эксцессов. Эти две недели запомнились неспешными утренними подъемами под пластинку Анны Герман «Один раз в год сады цветут», экскурсией на высокогорный каток «Медео», да подъемом по канатной дороге на гору Кок-Тюбе с посещением ресторана.

По возвращению со стажировки пошли массовые курсантские свадьбы. К окончанию училища до трети курсантов связали себя узами Гименея. Женился Цепя (не на Тоне), Лысый и другие ребята. Комсомольские свадьбы проходили весело, гуляла в основном одна молодежь. Свидетели и гости торжества, через некоторое время, женились между собой. Свадьбы шли по нарастающей, как снежный ком. Гуляли почти каждый день. Серега был на многих, несмотря на то, что официально должен был сидеть в училище, периодически получая от взводного две недели неувольнения.

По вечерам и в выходные дни в казарме было шаром покати. Все уходило в свободный выход, оставались пять-шесть человек имеющих взыскания или задолженности по учебе. Зачастую, среди них, из-за дисциплины, был и Сибирцев. Такие дни были праздниками для желудка. Столы в столовой накрывались как на полную роту и можно объедаться котлетами, маслом и сахаром, сколько организм примет. Но, как говорится: «Видит око, да зуб неймет», ничего уже не хотелось, это бы изобилие да на первый курс!

Как-то в один из таких дней к Сереге подошел Юрка Киселло:

– Маршал, а ты чего не в городе?

– Как будто ты не знаешь? Как обычно – две недели неувольнений.

– Я тоже никуда не пошел, но что-то скучно. Может, про-

швырнемся?

– Не проблема. Пойдем.

Друзья перепрыгнули через забор за учебным корпусом.

– Забежим к матушке. Я денег возьму, и поедем ко мне, а там посмотрим.

Юрина мама работала напротив училища, в стоматологической поликлинике.

Домой к нему, в целях безопасности, добирались на перекладных трамваях, а затем пешком. Жил он в центре города, на набережной.

– Полистай пока журналы, а я позвоню подруге. – Предложил он Сереге, когда зашли в квартиру.

Журналы оказались, конечно, порнографическими. Серега впервые открывал издание такого содержания. Да это и неудивительно, за них в то время была статья. Видел, конечно, десять раз перепечатанные игральные карты, но это же совсем другое.

– Ну, как? Слюни не текут? Расслабься. Это сестра из Польши привезла. Сейчас идем в кафе на Чкалова, там нас будут девчата ждать, а пока давай примем по грамульке коньячка.

Включили музыку и под коньяк обсуждали снимки журнала.

В кафе пришли уже навеселе. Подсели к девчатам. Заказали шампанского. Закурили. Юрка, почему-то, пепел начал стряхивать в бокал подруги. Все на него с интересом посмот-

рели.

– Это от изжоги, – чуть заплетающимся языком промолвил он, – пей.

Девчонка, нерешительно выпив глоток, поставила бокал на стол.

Тогда Юрка, плюнув на «бычок», бросил его в остатки вина!

Это уже был перебор. Серега понял, что надо уходить.

Только они поднялись, как в кафе зашел Голиков. «Это ...здец!» – подумал Серега.

Голиков, пройдя по ним безразличным взглядом, направился к стойке бара.

– Бежим! – Крикнул Серега, – и выскочил из кафе.

В училище возвращались трусцой.

– Да не узнал он нас, чего ты переживаешь? – успокаивал его Юрка.

– Как не узнал, когда он смотрел мне в глаза и тем более мы были в форме?

Самое интересное, что никто об это случае так и не вспомнил. Взводный проходил мимо, как будто ничего не случилось. Лишь на выпускном вечере он признается, что видел нас. Серегу бы он с удовольствием заложил и, скорее всего, на этом бы его учеба закончилась, но тягаться с сыном начальника училища, была кишка тонка.

Курсанты четвертого выпускного курса – это без пяти минут офицеры. К этому времени коллективы настолько сплотились, что кроме, как братскими, отношения не назовешь. К тому же, как упоминалось выше, была своя организация, которая при необходимости могла выступить в защиту любого курсанта. Командование старалось не задевать выпускников без необходимости. Как говорится, «не буди лихо, пока тихо». Женатые, почти все вечера и выходные проводили дома, холостяки бегали по девчатам и кафешкам. Часто ходили на примерки, ведь шились целых три формы одежды.

На последнем курсе училище начали переводить в Ленинград и, так получилось, что учиться начинали в Горьковском командном, а заканчивали в Ленинградском инженерном училище связи.

Не напрягаясь, сдали государственные экзамены. Настроение было отличное. Весна полностью вступила в свои права, природа буйствовала свежей зеленью. Ярко светило и пригревало солнышко. Впереди грезилась безумные армейские перспективы, молодость рвалась в бой. Это были дни и недели настоящего счастья!

Подшло время «золотого карантина», время, когда обучение уже закончено, а офицерские звания еще не присвоены. Ждали приказ Министра Обороны. Увольнения закрыли, целый месяц ходили в караулы. В караульном помещении играли в карты, бегали через забор за пивом, стояли на по-

сту по четыре часа, вместо положенных двух, чтобы быстрее время проходило и больше на сон оставалось. Естественно, грубых залетов не допускалось.

На утреннем подъеме уже не вскакиваешь, как «угорелый», а позволяешь себе понежиться в постели. На зарядку бегали по желанию, в основном те, кто на обратном пути любил заскакивать в буфет, где к этому времени всегда были свежие булочки и молоко.

Наконец пришел день торжественного вручения первых офицерских званий и выпускных вечеров.

Эту дату по своей значимости очевидно можно сравнить с днем принятия присяги. Только, если четыре года назад в строю шли еще не оперившиеся, растерянные юнцы, то теперь вбивали асфальт в землю и бросали через плечо горсти медных пятак в стройные ряды красавцев лейтенантов. Под марш «Прощание славянки» они ступили к вечному огню на святую землю Нижегородского кремля. Церемония вручения дипломов и прощание со знаменем училища прошли очень торжественно. Затем, под медь оркестра, с песней, училище двинулось по улицам города.

Под вечер повзводно разъехались по ранее заказанным ресторанам. Серегин взвод гулял на набережной Волги, в «Нижегородском». Планировали, что каждый курсант придет с девушкой.

Сергей хотел бы в этот день видеть рядом с собой Люба-

шу, но это было невозможно, так как последние два года их переписка как-то сошла на нет, а недавно он узнал, что Люба вышла замуж за сокурсника по институту. С Валею как-то тоже все расстроилось. Конечно, были еще девчата-приятельницы, с которыми он поддерживал отношения, но это все было не то, не было «полета души».

Накануне выпускного всех удивил Чекист, Серега Петухов. Он вдруг решил жениться. Дело в том, что за все время учебы у него не было серьезных отношений ни с одной девчонкой. А тут вдруг в последний момент и такой серьезный шаг!? Его можно было понять еще полгода назад, когда шел обвал свадеб. Тогда ребята узаконивали длительные отношения. Случалось, что женились и просто так, за компанию. Его избранницу, Валентину, никто толком не знал. Но, почему именно она!? Чекист поставил друзей перед фактом, ничего не объяснив:

– Свадьба послезавтра. Роспись в девять. Тебя, Маршал, прошу быть свидетелем.

Серега Сибирцев был в смятении. Да, Чекист ближайший из друзей и Серега очень переживал за его судьбу. Тем более, напрашивался вопрос, почему он узнает об этом последним? Попытался объясниться, выяснить необходимость такого шага, но тот уперся, как бык. Сощурил, как всегда, глаза, играя постоянным алым румянцем на щеках, и ничего не хотел объяснять. Ясно. Он уже все решил, и советы не нужны. Ну, Чекист и есть чекист.

В последнее время Сергей близко сошелся с Володей Микрюковым и Славой Уриным, Черный и Граф, как их звали друзья. Вовку за то, что был похож на цыгана, а Славика – за светские манеры.

Черный дружил с местной девчонкой и каждый раз после встречи с ней рассказывал, какая она хорошая, красивая, и что он влюблен в нее. Однако, взаимного чувства, похоже, там не было. Однажды вечером Сергей зашел в сквер возле КПП и увидел на лавочке Володю с ней. Подошел. Владимир их познакомил. Наташа оказалась красивой, стройной блондинкой с голубыми глазами. И вот, накануне выпускного, Черный ходил сам не свой. Поссорился с Наташей, и та отказалась идти с ним на вечер. По просьбе Владимира Сергей выступил в роли мирового судьи, позвонил ей и попросил придти в ресторан. Наташа согласилась, но при условии, что пойдет с Сергеем. Тот не долго думая, согласился, чтобы помочь другу. Он размышлял так, что все равно он там долго не будет, так как был приглашен во все пять заказанных ресторанов и, может быть последний раз в таком составе, общается со всеми ребятами, а Владимир останется с Наташей.

Присутствующие в зале ресторана были в приподнято – торжественном настроении. Кругом все сияло от зеркал, хрусталя и золота офицерских погон. За столами, расставленными большой буквой «П», сидели родственники, друзья и подруги новоиспеченных лейтенантов. Ребята же по привычке общались между собой. Из командования ни-

кого не было, очевидно оно осуществляло объезд всех мест празднования. Наташа разговаривала в основном с Сергеем, на что Черный реагировал довольно негативно. Начались торжественные речи и поздравления, слово дали Сибирцеву. Какими словами можно сказать о том, что закончился самый короткий, но наиболее трудный и яркий жизненный этап каждого из них? В горле перехватило от избытка чувств. Как можно передать всю теплоту и душевность сурового армейского братства? Впрочем, каждый понимал состояние друга. Сергей предложил тост за офицерскую дружбу.

Заиграл ансамбль, начались танцы. Наташа пригласила Сергея, но потанцевать им не удалось, в ресторане появился Цеп:

– Давай быстрее, все тебя ждут, машины на улице, надо же все кабаки объехать и есть сюрприз – в «Оку» пришли Валя и Тоня! – обратился он к Сергею.

Валентину Сергей не видел уже два месяца, но чувства к ней остались прежними. После Любаши она была единственной девушкой, которая затронула его сердце.

Колонна машин двинулась на «последнюю гастроль» по ресторанам Нижнего. Там уже дым стоял коромыслом. Молодые лейтенанты, в хорошем подпитии, обнимались, целовались, вспоминали прошедшие армейские годы. В «Оке» встретили командира взвода, Голикова, Он стал, очевидно по пьяни, поливать Сергея грязью. Сибирцев попросил Цепу и Хому вывести старлея из ресторана, чтобы не разбираться

на людях, а руки так и чесались. Долго Сергей ждал этой минуты, когда они уже в равных званиях поговорят по-мужски.

Сергея задержала Валя. Она была как никогда веселой и увлекла его к стойке бара. Такое состояние для Вали было не характерно, но разбираться нет времени и вскоре вояж по ресторанам, уже с девушками, продолжился. О взводном, как-то в суете все забыли. Это его и спасло. Гуляли до утра...

Проснулся Сергей в казарме заваленный матрацами. Голова соображала с трудом, во рту сушняк. Как он сюда попал, соображал с трудом. На соседних кроватях лежали Граф и Черный, которые были тоже не в лучшей форме.

– Черный, который час? – спросил он Вовку.

– Двенадцать.

– Елы-палы! В девять же роспись у Чекиста, а я свидетель!

– Ну, что сделаешь, поезд ушел. Да и какой дурак устраивает свадьбу на следующее утро после такого торжества? С нами не посоветовался. Да, Бог ему судья. Не переживай, это его личное дело. – Успокаивал Черный.

Расслабляться дальше не было время, да и впереди манил прекрасными перспективами первый летний лейтенантский отпуск. Сегодня ехали в гости к Черному в Зуевку Кировской области, а затем через Ленинград, с заездом к Славику Урину, домой в Вытегру.

Вот так и закончилась славная курсантская юность!

В детстве время кажется бесконечным, дни тянутся, тя-

нутя, конца им нет.

В детстве время зеленое и голубое, и как бы ни трудна была жизнь, как бы не было холодно и голодно, будущее всегда больше и богаче прошлого.

Детство, а затем и юность, откладываются в душе острыми чувствами и ощущениями и человек до последнего вдоха черпает в них уверенность и оправдание своего «я», часто уже исчезнувшего под ударами жизни.

Детство и юность это неиссякающий колодец с прохладной целительной водой, из него ты пьешь всю жизнь, в радости – не замечая, в горе – с благодарной грустью...

Книга вторая

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В САПОГАХ

*«Не иди по течению,
Не иди против течения,
Иди поперек его,
Если хочешь достичь берега».*

Дань Шень

ГЛАВА 3

ДАУРСКИЙ СИНДРОМ

1

Размеренный стук колес отсчитывал бесконечные сибирские километры. Вот уже третьи сутки лейтенант Сергей Сибирцев ехал поездом к новому месту службы в дальний Забайкальский гарнизон. В купе попутчиком был парень его возраста, возвращавшийся из отпуска на строительство БАМа. Дорога предстояла долгая, до Читы аж пять суток. В Свердловске в соседнее купе заселились трое иностранцев. Контакт с ними решили навести вечером, когда те пообвыкнутся, да и побайвались, что их сопровождают гэбисты.

Пока же Сергей смотрел в окно и мысли его улетали далеко на родину, где в глухом провинциальном городке, в крае дремучих лесов и голубых озер остались его мама, папа, младшая сестра Танюха-горюха, одноклассники и друзья...

Сергей смотрел в окно вагона на проплывающую мимо тайгу и вспоминал свой первый офицерский отпуск...

Более продолжительного сплошного праздника, длившегося свыше месяца, большей эйфории, он не помнил за всю свою жизнь.

Наконец-то все четырехлетние тяготы и лишения привели к осязательному результату: он стал офицером с высшим образованием. Получил одну из самых престижных и высоко-

оплачиваемых профессий.

Погостив несколько дней у Черного и Графа, он прибыл на родину. В Вытегре все знакомые его приветствовали и поздравляли. Сергей стеснительно, с улыбкой, старался показать, что ничего в этом особо выдающегося нет, хотя, надо признать, было приятно.

Дома его встретили, как героя. Мама всплакнула на широкой груди сына, папа смотрел на него с гордостью, а сестра Танюшка рассказывала своим подружкам-соплюшкам, какой у нее хороший брат. Малые же, Анюта Батенкова и Вера Арская, ученицы седьмого класса, пугливо, но с интересом поглядывали на красивого дядю.

Девчата-одноклассницы, узнав, что Сибирцев и Субботин, окончив военное училище, прибыли на отдых в Вытегру, тут же организовали встречу класса.

Так как на дворе был август, и многие друзья оказались в отпуске или на каникулах, в актовЫй зал школы собралось человек двадцать. Это была их первая встреча за четыре года после окончания школы. Сергей с интересом смотрел на возмужавших парней и девчат в полном боевом раскрасе (впрочем, многие уже были мамами).

Как всегда, протокольно, выступил со сцены директор, что-то сказали учителя, затем ребята-одноклассники убеждали собравшихся в своих неоспоримых успехах. Удивительно, но доброй половине класса за это время удалось поступить в институты. Треть училась в техникумах и учили-

цах. Остальные работали по району. Однако, отметил Сибирцев, с высшим образованием, что подтверждали «поплавки» на парадной лейтенантской форме, на сегодня были только они вдвоем с Вовкой.

Сергей, заметив, что нет Ленины Андреевны и Валентины Егоровны, их любимых классных руководителей, спросил об этом сидящую рядом Свету Арсеньеву.

– Ленина Андреевна придет позже. Почему-то в школу не захотела. А Валентина Егоровна здесь больше не работает. Вышла замуж и уехала в Белый Ручей. Мы ей сообщили, может быть приедет, – ответила Светлана.

К вечеру переместились в городской ресторан. Специально для организации встречи выпускников, его закрыли на спецобслуживание. Веселились допоздна. Каждая из девчат желала, чтобы ее пригласил один из бравых лейтенантов.

В сумерках, по привычке, пошли бродить по спящему городу. Как всегда: баня-почта, почта-баня. Пели песни, хохмили. Под утро провожали девчат. Как-то так получилось, что последней Сергей провожал Таню Паршукову. Постояли у калитки ее дома, договорились встретиться к обеду на пляже. По дороге домой Сибирцев вспомнил, что еще в десятом классе заглядывался на Татьяну. Отметил, как она похорошела и расцвела со школьной поры. Природная блондинка с великолепной фигурой и обворожительной улыбкой, Таня, наверное, свела с ума уже немало парней.

Он, только расставшись, с замиранием сердца ждал уже

следующей встречи и развития событий...

Однако, ничего дальше не произошло. Да, они несколько раз отдыхали с друзьями на природе, купались, загорали, ходили в кино и на танцы, но однажды вечером, когда прощались у ее калитки, Сергей неумело попытался «чмокнуть» ее в щеку, на что тут же получил отпор. Татьяна тихо, гневно, прошептала, что больше они встречаться не будут, так как ей не нравится, как Сибирцев одевается...

Она убежала домой, а Сергей понуро пошел домой, недоумевая, как ему надо одеваться? По сути, она была права. Сибирцев вырос из всех юношеских одежд, да и мода поменялась, новой «гражданки» еще не приобрел, а в форме каждый день ходить не будешь. Как бы там не было, но на этом начинающийся «амур» между ними закончился.

Однажды Сибирцев сидел на кухне у Саши Гринягина, пил чай и беседовал с Жанной Александровной, мамой друга. Послышался звонок в квартиру. Саня вышел в коридор, открыл дверь и, вернувшись, сказал: «Девки пришли».

В комнату зашли Лена, приятельница Сани, и две ее подруги. Обе Татьяны. Тут же организовали стол. Саня сбежал к бане за вином, включили магнитофон. В общем, сидели, развлекались. К вечеру девчата ушли, а Сергей с Саней пошли на танцы в парк культуры. И все же Сергея что-то смутило в этой встрече.

– Саня, а почему я не знаю этих девчат? – спросил он

у друга.

– А ты и не можешь их знать. Когда ты ушел в училище, они учились в четвертом классе!

– Это что – малолетки?! – удивился Сергей.

– Ха-ха, – посмеялся Саня, – других не держим...

2

Послышался стук. В купе заглянула проводница:

– Ребята, выручайте. В соседнем купе едут иностранцы, а я не бельмеса по-ихнему.

– Ну, что же, пойдём, попробуем разобраться, – согласился помочь Серега.

Соседями были, как выяснилось, два парня из Голландии и девчонка из Франции. Ехали они до Хабаровска.

– Але франсе? – бодро начал Сергей.

Все радостно закивали головами, но на этом словарный запас французских слов у него заканчивался.

– Шпрехен зи дойч? – Ребята как-то замялись.

В школе и училище Сергей изучал немецкий язык. Особенно хорошо он знал допрос военнопленного. С помощью его и удалось наладить контакт с иностранцами.

Вскоре они сидели за столом и отмечали встречу, к счастью времени для этого было более чем достаточно. Сергей принес водку, разлил ее по граненым стаканам и предложил тост за знакомство.

Сергея с Саней, попутчиком, опрокинули стаканы. Иностранцы от удивления сидели с раскрытыми ртами. Они были сражены тем, что водку можно пить такими убойными дозами. Сами же только пригубили. Не закусывая, подняли второй тост – за интернациональную дружбу. А вот, третий тост, за присутствующих дам, Сергей предложил выпить стоя и до конца. За разговорами засиделись до позднего вечера.

Что самое интересное, они прекрасно друг друга понимали. Перешли в купе Сергея, где пели песни под гитару. Неожиданно, Жульет, так звали француженку, попросила Сергея проводить ее в купе. Самостоятельно передвигаться она уже не могла, Сергею пришлось нести ее на плече. В коридоре ей стало плохо. Зашли в туалет, где долго приводил мадемуазель в чувство. Затем положил ее отдыхать, а сам вернулся в компанию.

Их общение продолжалось еще трое суток. Жульет рассказала, что у нее богатые родители, несмотря на то, что отец коммунист. Парни – ее друзья и сокурсники по университету. Они на каникулах и решили проехать по свету. Давно мечтала побывать в Союзе, особенно в Сибири, а дальше Япония, Новая Зеландия, Африка и домой в Голландию.

Она подарила Сергею несколько, тогда еще неизвестных в Союзе, одноразовых газовых зажигалок и женских капроновых колготок. Обменялись адресами.

Перед въездом в байкальский тоннель поезд долго сто-

ял. Успели искупаться в озере. Сергей нарвал букет багульника и подарил Жульет. Последний вечер шумно и весело отметили всей компанией в купе. Ночью, во время стоянки в Петров-Забайкальске, вышли все на платформу и спяну целовали барельефы декабристов, отбывающих когда-то здесь ссылку.

В Чите простились. Перед расставанием долго целовались в тамбуре. Жульет плакала и умоляла Сергея написать ей письмо. Сергей обещал, но знал, что не сделает этого. Стояли времена холодной войны.

3

В Чите Сибирцев делал пересадку на поезд Чита – Забайкальск до станции Борзя. Имелось свободное время и он решил пройти в центр города к штабу Заб. ВО, где на «Загаре», узле связи воздушной армии, возможно был Вовка Микрюков. Сергей не ошибся, Черный уже неделю обитал в Чите и с нетерпением ждал их встречи. Друзья обнялись, перебивая друг друга, начали делиться последними новостями. Однако, время было служебное и все разговоры пришлось оставить на вечер. Взяв ключ от его комнаты, Сергей отправился в общагу, в район камвольно-суконного комбината (КСК).

В общежитии познакомился с лейтенантами, сослуживцами Черного. Они готовились к вечернему посещению ресторана. Вскоре к ним приехали подружки и, вызвав такси, ком-

пания исчезла. Вова появился уже в сумерках. Разбудил Сергея и, «почистив перья», они поехали развлечься в город.

Кафе «Романтика» было наиболее продвинутым и молодежным для того времени. В нем играл ВИА, цены доступные и посещали его, в основном, офицеры, да местная молодежь. В городе было три хороших ресторана: «Забайкалье», «Аргунь» и «Даурия», в которых в дальнейшие годы службы Сергей будет не раз зависать, но на сегодня, именно «Ромашка», так звали кафе в узких кругах, считалось самым популярным.

В кафе их уже ждали. Володя завел разговор с ребятами о службе, а Сергей присмотрелся к девочкам. Чуть слышно играло фортепьяно. В полумраке, на зеленом бархате, тускло горели настенные бра. Это были две подружки из Иняза: Ира и Тамара. Ирина – стройная, высокая брюнетка, а Тамара – ее противоположность: невысокая, жизнерадостная блондинка с довольно округлыми формами.

В дальнейшем вечер проходил весело. Выпивали, шутили, танцевали. Затем, Николай, сослуживец Володи, подзвал Сергея и попросил:

– Серый, выручай! Нам надо отсюда отлучиться, а ты забирай девчат и езжай на мою квартиру, ключи я тебе дам. Там я живу один. Развлеки их, как сможешь, а потом отправь в общагу. Мы к утру подвалим. Так надо, потом объясню.

Вскоре, ребята пропали. (Хорошо хоть за стол рассчитались). Девчата поохали – поохали, но, узнав, что ключи

от квартиры у Сергея, приободрились и вскоре опять были веселыми. Продолжали по очереди танцевать с ним. Вечер близился к окончанию, группа играла уже только по заказу и за деньги. Сергей с девчатами, прихватив с собой спиртного и закуски, на такси поехали домой. Там продолжили гулять до поздней ночи, а затем, не раздеваясь, свалились за-мертво на диван.

Наутро, сославшись на занятость, Сергей отправил девчат на такси в общагу, а сам вернулся в квартиру. Девчата, оказывается, жили в поселке Дарасун и вечером ехали домой одним с ним поездом, но Сергей об этом еще не знал.

Ребята вернулись к обеду. Было воскресенье. Решили ударить по пиву. Поехали на железнодорожный вокзал в кафе «Метелица». По пути они рассказали, что всю ночь были у своих новых подруг, а с этими они уже не хотят встречаться, поэтому и передали их Сергею.

– Да, весело вы здесь живете. У меня на точке, наверное, так не получится.

– Скучно будет, приезжай, развеселим, – ответил Черный. – Зато там деньги сохранишь, некуда тратить будет.

В «Метелице» их встретили, как завсегдатаев. Официантки дружески поздоровались и быстро принесли пива.

– Что, трубы горят после вчерашнего? – поинтересовалась одна из них.

– Да, знатная была вечеринка! А ты, Валюша, до вечера сегодня работаешь? – спросил Николай.

– Нет, я через час заканчиваю.

– Ну, тогда я тебя забираю, и идем веселиться.

– Нет проблем, я готова.

Попив пива, Володя с Сергеем пошли за вещами в камеру хранения, а ребята остались ждать Валю.

Черный просил Сергея позвонить, как только определится с дальнейшей службой. С Наташей, после выпускного вечера, у него так и не сложилось. Она обещала написать письмо. Родители Вовы передают привет Сергею, им он очень понравился за те короткие четыре дня, что гостил у них в Зуевке.

Объявили посадку. Друзья вышли на перрон, подошли к вагону и увидели Иру и Тамару. Зависла минута молчания, этой встречи никто не ожидал.

– Вы как здесь оказались? – спросил Черный.

– Мы домой едем, а вот вы, куда вчера пропали?

– Мы вчера были вынуждены вас срочно покинуть – служба! А вот сейчас, провожаем Сергея в Борзю.

– Все с вами понятно. Пойдем, Серега. – И взяв Сергея под руки, поднялись с ним в тамбур плацкартного вагона.

Черный, прощаясь, махнул сзади рукой и недвусмысленно усмехнулся.

Девчата, естественно, были не прочь развлекаться и дальше. Посидев с час для приличия с ними и поболтав о разном, Сергей, сославшись на то, что рано утром ему надо быть, как огурец, в штабе армии, отправился спать к себе в купейный вагон.

Станция Борзя Забайкальской железной дороги, не смотря на свой районный статус, являлась на ту пору заштатным селом с населением восемь тысяч человек. Кругом, на сотни километров, ковыльная степь, никакого сельского хозяйства, а тем более промышленности. Нищета. Основное население – бывшие зеки. До китайской границы шестьдесят километров.

Здесь и был расположен штаб 36-ой общевойсковой армии. Судя по количеству офицеров, снующих туда-сюда по коридорам штаба, все говорило о скором военном конфликте между СССР и Китаем. На этом направлении разворачивались новые части и соединения. Толпы молодых лейтенантов с эмблемами разных родов войск напоминали расшевеленный муравейник.

В штабе армии их продержали целый день. К вечеру, наконец, определились с назначениями, и, переполненный армейский КаБЗик, не спеша, двинулся в путь. Ехать предстояло на юг, в Даурию, к китайской границе.

За окном проплывала унылая, ровная, как блюдце, пыльная и выжженная августовским палящим солнцем, забайкальская степь. Глазу не за что зацепиться, только сплошная пелена пыли, от редких встречных машин, да кошары и стада овец на горизонте.

Постепенно опустилась ночь. Остановились для контроля перед въездом в погранзону. Пока погранцы проводили до-

смотр автобуса, офицеры курили возле него и делились первыми впечатлениями. Радости на их лицах не ощущалось. Да и чему радоваться в отдаленном, богом забытом крае? Видно, не зря их пугали в училище Забайкальем.

Поехали дальше. Вдруг, когда оказались на небольшой сопке, внизу увидели бесконечное море огня.

– Это что, Чикаго? – пошутил кто-то из пассажиров.

– Лучше, – с хитрой улыбкой ответил водитель.

Было такое впечатление, что перед ними в огнях раскинулся огромный город. Лейтенанты сразу взбодрились.

– А нас пугали, что здесь только степь да сопки, а тут, судя по освещению, жизнь кипит не хуже, чем в большом городе.

Автобус остановился.

– Приехали. Общежитие пехотного полка. Сегодня все ночуют здесь, а с утра вас распределят по частям, – распорядился сопровождающий их прапорщик.

На утро, решив осмотреть населенный пункт, поразивший своим размахом и освещением ночью, лейтенанты вышли на улицу. Каково же было разочарование на их лицах, когда вместо ожидаемого мегаполиса, они увидели всего лишь восемь стандартных блочных пятиэтажек, расположенных в два ряда, несколько старых двухэтажных каменных и деревянных домов, да с десятков полусгнивших бараков? Все это называлось военным городком, где проживали семьи офицеров и служащих.

– А, где же море огня?

– Вы не первые, кто на этом попались, – ответил повстречавшийся им офицер.

– А огни, это освещение частей, парков с боевой техникой, учебных центров, полигонов и других, необходимых гарнизону, объектов. Растительности здесь, как видите, нет, поэтому и видно все, как на ладони. Так что, лучше не раскисайте, а примите все, как должное, и быстрее вливайтесь в нашу дружную семью. Не вы первые, не вы последние. Время пролетит, не заметите. Район здесь заменяемый, приравнивается к крайнему северу, есть ряд льгот. Холостяки служат всего три года, женатые – пять лет. Китайцы, правда, последнее время шалят. В общем, вперед и с песней!

Да!.. Настроение, как-то у всех сразу упало. Но, что делать, служба есть служба и лейтенанты разошлись по своим частям согласно предписаниям.

4

В штабе дивизии Сибирцев получил направление – начальник связи танкового батальона мотострелкового полка. Все КПП полков располагались вдоль бетонки. Порт-Артурский полк был предпоследним, поэтому до него Сергею добираться пришлось минут сорок. В дальнейшем это очень пагубно скажется на службе, так как общага и кормушка (офицерская пайковая столовая) находились в жилой зоне,

далеко. Часто приходилось оставаться голодным.

Сергей был недоволен своим назначением. Во-первых, его специальность – проводная связь, а здесь скорее нужен радиоспециалист. Во-вторых, какой смысл было учиться четыре года, получить высшее образование и опуститься до батальона.

Подсознательно он чувствовал, что во всем этом есть какая-то злая подоплека, скорее всего, что-то нехорошее написал в характеристике и личном деле злопамятный курсантский взводный. Но, защитников в армейской иерархии у Сергея не было, а простых смертных, не больно-то и слушали, поэтому пришлось смириться и тянуть ратную лямку на том посту, который ему «доверила» Родина.

Жить Серегу определили в офицерское общежитие. Условия были спартанские: четыре кровати с панцирными сетками, тумбочки, стулья, стол по середине комнаты и шкаф. Все, естественно, с инвентарными номерами. Туалет и умывальник в конце длинного коридора. Гарнизонная баня – раз в неделю. Питание трехразовое, бесплатно в пайковой столовой или за деньги в офицерском кафе.

Все развлечения находились в Доме офицеров – библиотека, кино, каждый день новое, и танцы по выходным и праздничным дням. Телевизор принимал с трудом только одну программу. За железной дорогой (за речкой), находилось село Даурия, ставка белого казацкого атамана Семенова в гражданскую войну. Ходили туда только днем и по необхо-

димости, в магазин за водкой и спиртом или детям за молоком, так как этих продуктов в военторге не было. Местное население, «семеновцы», считали себя ущемленными в правах советской властью и к военным относились, мягко сказать, не очень дружелюбно. Не раз, бывало, уйдет офицер после танцев провожать молодую красивую казачку (плод любви русского и бурятки) за речку и поминай, как звали, найдут забитым в степи или разрезанным поездом на рельсах.

Произошел такой случай. Командир дивизии, генерал, вечером возвращался на узике с вертолетной площадки, расположенной на другом конце села, в гарнизон. В центре села в этот момент гуляла местная молодежь, был субботний вечер. Пьяная толпа обступила УАЗик, перегородив проезд. Затем перевернули его на бок, вытащили людей и начали их избивать. В это время мимо проходили взрослые и вступились за военных. Это их и спасло.

В общем, комдив прибежал в Дом офицеров, где в это время шли танцы. Весь в крови, синяках и ссадинах. Поставил задачу коменданту и начальникам патрулей, находившимся там, о задержании хулиганов. Об этом узнали отдыхающие офицеры и подняли четыре офицерские общаги. Весть дошла до казарм. В общем, когда цепи военных окружили село, в их составе было уже порядка трех тысяч человек. Все начали сближаться к центру села, загоняя на сопку всех подростков и мужиков. Началась бойня. Трупов, конечно, не было, но местная больница и гарнизонный госпиталь переполни-

лись травмированными «семеновцами». Были громкие разборки, прилетала комиссия из Читы. Урок местным, преподали хороший, они надолго притихли.

Жива еще была девяностолетняя любовница Семенова. Кстати, позже Сергей брал у нее молоко и общался. Неплохая бабуля, веселая, могла еще и сто грамм пропустить и частушку спеть. Вспоминала, как здесь квартировалось войско атамана и как, под ударами красных, ушло в китайскую Маньчжурию, закопав в пути, в долине Смерти, в девяти километрах от Даурии, часть золотого запаса России, доверенного ему адмиралом Колчаком. Это золото не найдено до сегодняшнего дня и не дает покоя многим кладоискателям.

5

Гвардейский мотострелковый Порт-Артурский Краснознаменный, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого полк, в котором предстояло служить лейтенанту Сибирцеву, являлся инициатором всеармейского соревнования за дальнейшее повышение боевой готовности. Обращение гвардейцев-портартурцев ко всему личному составу Вооруженных Сил СССР было опубликовано в газете «Красная звезда». Эйфория достигла пика, когда под диктовку парт-политработников Политуправления округа, молодые воины-портартурцы, написали письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, в котором заверили его о том, что с че-

стью выполняют взятые на себя повышенные социалистические обязательства. Брежнев им ответил, вопрос был взят на контроль ЦК.

По всей армии шли митинги в поддержку порт-артурцев. Люди, принявшие обязательства, добросовестно получив награды и повышения, вскоре убыли к новому месту службы, а выполнять их пришлось вновь прибывающему личному составу и офицерам, таким, как Сибирцев, ни сном, ни духом не ведавшим, в какую клоаку они попали.

Полк превратился в строительную площадку. Офицеры и прапорщики практически находились на казарменном положении. Какой смысл идти на три-четыре часа домой? Остальное время кипела работа. Так длилось месяцами. Заветная мечта каждого офицера – вырваться из этого порочного круга, хоть на время, хоть на несколько дней, но подальше от полка.

Шли капитальные ремонты казарм, штаба, клуба. Началось строительство новых парковых помещений, учебного корпуса. Полностью поменяли технику. Пришли новые танки, БМП, дизельные «Урал», «Шилки», «Васильки». К сожалению, обновление не коснулось средств связи. Состояние связи в батальонном и полковом звене было и остается самым слабым местом.

Поднятием боеготовности полка на новый уровень занимался весь округ. Это было чем-то сродни стахановскому движению. В то же время, это сказывалось негативно на бое-

готовности других частей и подразделений дивизии, где техника и условия службы оставались прежними, а спрашивали уже по-новому.

Личный состав в полк подбирали гвардейский, не ниже 1.90, русских, с образованием. Несмотря на глобальную стройку, полк день и ночь занимался повышением боевой готовности. Круглосуточно проводились стрельбы и вождение боевых машин. Каждый командир и наводчик выпускал в месяц по мишеням не менее тридцати штатных снарядов. (Один снаряд стоил пару хромовых сапог). Механики-водители накручивали на гусеницы боевых машин за занятия и учения сотни километров. И все это в экстремальных климатических условиях: летом – жара до +50, зимой – мороз до -50.

При всем негативе заказного выращивания отличников, положительное зерно все же было – это небывалый рост боевой подготовки отдельно взятого полка. Мишени поражались однозначно: первым снарядом, первой очередью, первым патроном. Через неделю батальоны и другие подразделения меняли друг друга в запасном районе, проводились ротные и батальонные тактические учения, велось слаживание подразделений. Раз в месяц – полковые учения. Целый год, через два-три дня полк «неожиданно» поднимали по тревоге с выходом в запасной район. По большому счету, именно такой уровень боевой готовности и должен быть в частях и соединениях первого эшелона в приграничных

районах.

Вскоре, годовая итоговая проверка Министерства Оборонны покажет, что личный состав гвардейского Порт – Артурского полка полностью выполнил свои обязательства и подтвердил звание правофлангового. К концу года в полку было более 70% отличных рот и батарей, 80% отличных взводов, 63% отличников боевой и политической подготовки.

Все вздохнули с облегчением, ну наконец-то будем жить нормальной, если можно так сказать, армейской жизнью. Не тут то было. Политработники решили продолжить инициативу и на следующий год. Да, это даже не смешно. Надо было вырываться из этого кошмара.

Забегая вперед и анализируя службу в полку, можно с уверенностью сказать о ярком примере двойной морали, существующей в нашем социалистическом обществе. Под лозунгами о лучшем полку в Вооруженных Силах скрывалось: для одних, избранных – трамплин для дальнейшего роста, для других, основной массы – обеспечение этого трамплина. Полк стал перевалочной базой для детей и родственников высокопоставленных чиновников, которые, отметившись здесь и получив очередные звезды, звания и награды, двигались дальше.

Основная же часть офицеров пахали, как проклятые, ничего за это не имея. Десятки молодых офицеров, таких как Сибирцев, прослуживших в этом полку по шесть – восемь лет, о которых снимали фильмы и писали в каждой газете,

как о лучших офицерах Советской Армии и примере для подражания всего подрастающего поколения, на самом деле, годами не могли получить очередного звания, так и оставаясь командирами взводов. Многие из них в дальнейшем списались, и лишь некоторым удалось вырваться из «отличников», заместиться в средние, нормальные части и сделать карьеру. Большинство сегодняшних генералов-сухопутчиков отметились в то время на различных должностях в гвардейском Порт – Артурском полку.

До границы двенадцать километров. Каждый день оттуда приходили тревожные сигналы. В Приаргунском погранотряде китайские спецназовцы, «тигры», как их называли, перейдя границу, вырезали всю погранзаставу и безнаказанно скрылись на своей территории.

Вскоре Сергей был знаком со всеми офицерами полка, появилось много новых товарищей, особенно из числа молодых холостых офицеров. А их за последние два года нагнали в Даурию под сотню человек. В повседневной чрезвычайной занятости на службе, все они, однако, мечтали лишь о том, чтобы любыми путями быть свободными от службы вечерами в субботу и воскресенье, так как лишь в эти дни проводились танцы в Доме офицеров, и это была единственная желанная отдушина в череде армейских будней.

Холостяки готовы были за семейных в будни ходить по нарядам и выполнять любые работы, лишь бы в эти два вечера

их не трогали. Однако командование рассуждало иначе – семейные по возможности должны быть в выходные с семьями, а холостяки обойдутся. Скорее всего, это делалось для того, чтобы в выходные дни холостяки меньше болтались по гарнизону и не искали места приложения своей молодой не использованной энергии.

Несмотря на занятость, письма домой Сергей писал регулярно. В них он шутил, что работает с двумя выходными. Один летом и один зимой. Приходили письма от сестренки. Она училась в медицинском училище города Череповец. Мама уже скучала и интересовалась, когда у Сергея будет отпуск? Он и сам ждал момента, чтобы вырваться, хотя бы ненадолго, из этого круга. В последнее время он пропадал на танковой директрисе, где отвечал за связь с танками при проведении боевых стрельб.

Однажды его вызвали в строевую часть и предложили ехать в командировку в Киров. Сопровождать эшелон с дембелями.

На сборы два часа и в назначенное время Сергей прибыл на станцию, где уже формировался дембельский эшелон. В железнодорожном составе двенадцать плацкартных вагонов, которые планировали заполнять по ходу движения в местах дислокации частей и соединений, штабной вагон и вагон с полевыми кухнями.

Начальник эшелона, замполит, зам по тылу, двенадцать

офицеров, старших вагонов, и двадцать четыре сержанта, их помощники, – таков штатный состав командования эшелона. Сергей взял своих сержантов. В его вагон разместили сто дембелей. На вокзале он принял у ПНШ проездные документы на каждого солдата, сержанта, которые должен был им выдать в Кирове для дальнейшего проезда и дембельские деньги, в среднем по восемьдесят рублей на человека, они выдавались так же в конце пути.

Сергей не ожидал получить под отчет такую большую сумму. Деньги и документы еле уместились в дипломате. Перед отправкой к эшелону прибыл начальник штаба дивизии, собрал офицеров на инструктаж. Обратил внимание на соблюдении порядка и дисциплины при следовании. Всех, кто будет замечен в употреблении спиртных напитков и попытке не подчинения, приказал немедленно сдавать военным комендантам на железнодорожных станциях. После непродолжительного прощания, разместились в вагонах, и состав тронулся.

Сергей с двумя сопровождающими сержантами заняли первое купе.

– Да, – размышлял он, – с таким содержимым дипломата надо держать ухо востро. Решив, до конца поездки не позволять себе ни каких соблазнов, тем более, горячительного, Сергей положил дипломат под подушку и сел возле него. Вскоре, отправив сержантов на кухню за ужином, попросил увольняющихся связистов своего взвода последний раз

оказать помощь по организации полевой связи в эшелоне. Сам же установил коммутатор в купе и отдавал распоряжения. Опытные связисты быстро справились с задачей. Через час у начальника эшелона была связь с вагонами и тепловозом.

Сержанты вернулись с ужином в термосах. Предполагалось, что каждый дембель в вещмешке повезет котелок и ложку. Перед отправкой был проведен строевой смотр. Все эти принадлежности были в наличии. На самом же деле, в вагоне не оказалось не только вещмешков, но и даже завалящей ложки. В общем, пища есть, принимать ее нет возможности. А впереди еще пять дней пути. По правде говоря, при общей эйфории наступившего дембеля, этот вопрос мало кого интересовал, да и голь на выдумки хитра, изготовили ложки из подручных материалов.

После ужина к Сергею подошли его связисты и попросили отпустить по домам. Сибирцев пообещал решить вопрос после Читы. Да и действительно, зачем им ехать до Кирова, если они с Красноярска? Возникла проблема с выдачей денег, так как Сергей их получил в купюрах по пятьдесят рублей. В отличие от других вагонов, где уже шла гулянка полным ходом и администрация с трудом контролировала ситуацию, у Сибирцева все было тихо и спокойно. Во-первых, он вез порт-артурцев, а во-вторых, дал понять, что по возможности, будет отпускать людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.